

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Таня Кель

СОЖГИ МОЮ
ТИШИЦУ

Таня Кель

Сожги мою тишину

«Автор»

2026

Кель Т.

Сожги мою тишину / Т. Кель — «Автор», 2026

У меня нет голоса, я говорю через музыку. У него — нет совести. Нас поженили, чтобы я стала заложницей, а он — моим тюремщиком. Его семья убила моих родителей. Его брат сломал мне палец, лишив меня возможности играть. Его отец приказал на мне жениться. А он? Привёз мне рояль. Учил жестами говорить «доброе утро». Увозил из дома, когда стены хотели меня убить. Всё это было заданием. Но его пальцы на моей коже дрожали по-настоящему. И когда он прижал меня к дверному косяку, я укусила его в губу до крови — не от ненависти. Я должна бояться. Бежать. Ненавидеть. Вместо этого я горю от каждого прикосновения и задыхаюсь, когда его нет рядом. А он смотрит на меня так, будто готов сжечь всё — семью, имя, себя — лишь бы я осталась.

© Кель Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Таня Кель

Сожги мою тишину

Глава 1

Элара

Когда мне сломали палец, я не закричала. Нет, храброй я не была. Я просто не умела кричать.

Мужчина надо мной смеялся. Но я почти не слышала, потому что перед глазами плыли круги от боли, а в ушах звенело.

Можно ли умереть в немом молчании? Да. И сейчас я умирала.

Всего два часа назад у меня была семья. Мама готовила ужин, а папа только вернулся с работы. Правда, нервный немного. Суевливый.

Он крепко обнял меня и дал тетрадь с нотами.

– Новая пьеса. Для тебя. Потом сыграешь. Не забудь.

И как-то стало немного странно. Ведь он редко дарил мне именно ноты. Да и обнимал чаще, чем обычно.

Мама позвала ужинать. Нормальный вечер. Кто бы знал, что он будет последним.

На холодильнике, среди магнитов и рецептов маминым почерком, висела фотография: две девочки в одинаковых жёлтых платьях, одна чуть старше. Я проходила мимо неё каждый день и давно перестала замечать.

Мы только улеглись спать. Я листала ленту в телефоне. Как вдруг сквозь музыку в наушниках услышала грохот.

Сначала подумала, что у мамы что-то упало, но он повторился, потом ещё. И крик. Мамин. Звук разбитого стекла.

Родители никогда не ругались и не били посуду. У нас в семье так не принято. Поэтому я быстро встала и замерла у двери. Смотрела в щель, и ужас расползался по всему телу липкой стружкой.

В наш дом ворвались люди в масках. Они схватили отца.

– Где файлы? – закричал один из них.

Папа стоял на коленях и мотал головой.

– Говори, а то пристрелим твою суку!

– Ивор. Что происходит? – услышала я дрожащий голос матери.

– Вы не посмеете!

Выстрел.

Он прошиб меня молнией. Тело вздрогнуло. Я отступила. Споткнулась.

Это страшный сон. Только что... застрелили... мою маму?

Я заметалась по комнате в жуткой агонии. Куда прятаться?

Мозг не успел ничего придумать, кроме как залезть под кровать. Слезы сами брызнули из глаз, и я в какой-то момент обрадовалась, что я не могу говорить. Потому что тогда бы рыдала в голос.

Хлопок.

И я зажала себе рот рукой. Ужас сковал цепями. Я не могла даже пошевелиться.

Скрип двери. Шаги. Сквозь небольшой зазор я видела огромные ботинки.

Где-то внутри я молилась, чтобы меня не нашли.

Ботинки остановились прямо перед моей кроватью.

Нет! Нет! Нет!

Сейчас меня вытащат и... тоже убьют?

Я старалась даже не дышать. Но это невозможно. Лёгкие всхлипы невольно пробивались из груди.

Секунда, и меня схватили за ногу. Ещё одна, и вот я уже валяюсь в ногах у каких-то мужчин.

– А это кто у нас тут притаился? – гнусно пробасил один. – Красивая девочка. Пианистка?

Я повернулась. Единственное, что могла, – это смотреть смерти в лицо.

Но и этого не видела. Только маски и бешеные глаза убийц.

– Красивая девочка.

Тот, что стоял надо мной, потянул ко мне руку. Провёл грязным пальцем по губам.

Не знаю зачем, я действовала на инстинктах. Вцепилась зубами в его фалангу и со всей силы сжала челюсти.

– Ах ты сука! – закричал он.

И, отдёрнув руку, резко выпрямился.

А потом...

Всё случилось быстро. Он поднял свою ногу и с силой впечатал в мою ладонь, в это же время вынимая пистолет и перезаряжая его.

Мир на несколько мгновений померк. Боль пришла не сразу. По частям. Но нарастала стремительно.

Я открыла рот, но не могла ничего произнести. Моё дыхание остановилось. Я лишь видела, как на меня наставили дуло пистолета.

Сейчас всё закончится. В эту секунду.

– Эй! Эл! Стой! – крикнул ему второй и подошёл. – Девчонку надо к Акселю. Она последняя. Ты опять погорячился и всех перестрелял раньше времени. Давай, чувак. Успокойся! Остынь!

– Твою мать! – выругался Эл.

Он убрал свою ногу с моей руки, и я смогла наконец прижать её к груди, сгорая от невыносимой боли.

– Тащи её сам!

И быстрыми шагами этот мужчина ушёл.

Мне же надели на голову какой-то мусорный пакет и перекинули через плечо.

Наверное, просто отсрочили казнь. Куда меня несут? Зачем? Кто эти люди? Чего они хотят?

Боже! Они убили моих родителей! Что мне делать? Я не знала, что болит сильнее: сердце или рука.

Меня погрузили в машину. Я это отчётливо поняла. И даже не на сиденье. В багажник запахнули.

Думала, такое только в каких-то жутких фильмах случается, но нет.

Связывать не стали. Действительно. Зачем? Ведь я никуда не убегу.

Я чувствовала, как завёлся мотор, машина качнулась и поехала.

Меня всю трясло. Вязкий ужас окутывал тело. Дышать было сложно. Поэтому я просто стащила с себя ненавистный пакет. Но даже так воздуха не хватало.

Багажник был тесный. Пахло бензином и соляжкой. Каждая кочка отзывалась в сломанном пальце вспышкой боли. Я прижимала руку к груди и чувствовала, как палец пульсирует.

Рядом со мной лежала сумка с инструментами. Машина подпрыгнула на повороте, и моё лицо прижалось к грубой подошве чьего-то ботинка. Вокруг грязь, песок и запах резины. Я попыталась отодвинуться, но места не было. Так и лежала, прислонившись щекой к чужой обуви.

Мама. Папа.

Пока я боролась с болью и страхом, воспоминание подкралось, и снова началась паника. Их больше нет. А я еду в багажнике чужой машины, и никто на свете не знает, где я.

Автомобиль ехал долго. Время в темноте растягивалось и становилось бесконечным. Я считала повороты. Может, если выживу, пригодится.

Слёзы кончились не скоро. Осталась только тупая тяжесть в груди и привкус крови на губе. Оказывается, я прокусила её, когда мне ломали палец, и до сих пор не заметила.

Я наивно полагала, что это конец. Но это оказалось самое начало моего жуткого путешествия. Эту ночь я не забуду никогда.

Глава 2

Элара

Когда багажник открылся, я зажмурилась. Хоть и ночь стояла, но в глаза ярко светили фонари.

Меня грубо вытащили и повели в шикарный особняк. Холодный воздух ударил в лицо, и я жадно вдохнула.

Что ж. И такие люди бывают преступниками. Удивительно.

Стражи пинали меня в спину, чтобы я шла быстрее. Но ноги были ватными, и я с трудом их передвигала.

В горле пересохло, язык прилип к нёбу. В голове шумело. Я почти ничего не различала. Босые ступни обжигал ледяной холод дорогого пола.

Тем не менее заметила шикарный мрамор, люстры, портреты. Здесь пахло деньгами. Их явно передают по наследству вместе с фамилией и страшными секретами.

Когда меня втолкнули в кабинет, сердце забилося. Сейчас что-то произойдёт. Моя судьба решится.

На шикарном кожаном кресле сидел мужчина в дорогом костюме и с бокалом виски. При других обстоятельствах он бы показался мне даже красивым: утончённые черты лица, тёмные волосы, светлые глаза, но они отдавали ледяным холодом. Он смотрел на меня как на насекомое, случайно залетевшее в комнату: с лёгким раздражением и вопросом – прихлопнуть сейчас или подождать, пока само сдохнет.

Ох, папа, с кем же ты связался?

Я стояла напротив него и обнимала себя руками. Правая кисть отдавала тупой болью, расходящейся до локтя. Палец распух вдвое и торчал под неправильным углом. Я старалась не смотреть на него, но боль не давала об этом забыть.

Ужас сейчас снова побежал чёрными струйками по венам.

– Хотите сказать, что осталась только она? – тихо спросил он. – Я же приказал достать мне файлы, а не убивать!

Охранники что-то невнятно пробормотали в ответ.

– Идиоты! – вздохнул мужчина, и его взгляд вернулся ко мне. – Значит, ты дочь Ивора Линда?

Я кивнула.

– Где папочка прячет документы, знаешь? Скажи, и я отпущу тебя.

Мне нечего сказать. Челюсти сжались сами собой.

– Ты знаешь, кто я? – встал мужчина и медленно направился ко мне. – Я Аксель Ван дер Хольт. Один из учредителей холдинга «Хольт и партнёры». Ты хоть понимаешь, что я раздавлю тебя как таракана и никто об этом даже не узнает? Твой отец перешёл мне дорогу и спрятал кое-что. И ты явно в курсе, где папочка всё хранит. Правда?

Он навис надо мной скалой. Конечно же, от него пахло дорогим одеколоном. Ни капли пота. Ни тени волнения. И явно никто спасать меня не собирался. Мужчина только что узнал, что его люди убили двоих, и его пульс даже не дрогнул. В этом нет сомнений.

Я попыталась отойти, но Аксель схватил меня за больное запястье и крепко сжал. От боли я лишь открыла рот, и слёзы брызнули из глаз.

– Отвечай! – рявкнул Хольт.

– Так это... немая она, – буркнул один из охранников. – Эл ей руку сломал, она даже не пикнула.

Меня швырнули к столу и кинули передо мной ручку с бумагой.

– Тогда пиши! – Его голос снова стал холодным и спокойным. – Где файлы?

Дрожащими пальцами я взяла ручку в левую руку и долго корябала: «Не знаю».

– Флешки? Диски? – продолжал пытаться меня мужчина, нависая сверху.

Я написала то же самое.

– Компьютер? Внешние носители? Облачные хранилища?

Все вопросы звучали ровным тоном, без нажима. Как будто у него такое происходит ежедневно. Ему что, каждую среду приводят девочек со сломанными пальцами, которых надо допросить?

Богатый, мерзкий ублюдок.

И хоть меня всю трясло от злости и страха, я продолжала отвечать: «Не знаю».

Одно и то же, с каждым разом буквы становились крупнее, левая рука сильно дрожала.

Тогда он обогнул стол и плюхнулся в кресло.

– Твой отец рассказывал тебе о работе?

Я мотнула головой.

– У него есть сейф?

«Нет» на бумаге было моим ответом.

Хольт вырвал у меня записку и медленно прочёл:

– Не знаю, нет, не знаю... бесполезная.

Он аккуратно сложил листок пополам, убрал в ящик стола, и я поняла, что он хранит всё. Каждую бумажку, все доказательства. Этот человек не оставляет следов, и у него всё под контролем.

Мужчина взял телефон, будто забыл обо мне, набрал кому-то. Я не вслушивалась в разговор, потому что мерзавец говорил о чём-то своём и это явно не имело отношения ко мне. Что-то про утренние встречи, отчёты. Будничнейший вечер обычного человека, который между звонком бухгалтеру и ужином заказал убийство. Так, наверное, живут все богатые.

После того как закончил, он посмотрел на меня.

– Уберите её. И за собой тоже уберите!

Это что... меня сейчас убьют?

Я резко обернулась. Один из охранников достал пистолет и направил в мою сторону.

– Да не здесь, придурки! Вывезите её куда-нибудь в лес!

Они промычали что-то невнятное, схватили меня под руки и поволокли.

Я не могла кричать и звать на помощь, но упиралась в пол босыми ногами. Они скользили по дороговому мрамору.

Нет! Прошу! Мне так хочется жить! Я ещё не влюблялась, не путешествовала. У меня могла бы быть прекрасная жизнь.

А сейчас... я просто умру в тишине. И меня даже оплакать будет некому. И за что? Почему?

Глава 3

Рейн

Три часа ночи – отличное время, чтобы вернуться туда, откуда нормальные люди бегут без оглядки.

Мой верный «Дукати» ровно рычал подо мной. И я спокойно ехал по ночным улицам. Вообще, обожаю спящий город. Он как будто накрывает полотном все тайны, зализывает раны, которые успел сделать днём.

Я одиночка. Мне никто особо не нужен, кроме, конечно, моего мотоцикла. Он не имеет претензий, не спрашивает, где я был, и не лезет в душу. Просто едет, куда кручу руль. Между нами идеальные отношения.

И вот я снова у ненавистного особняка. На холодных воротах мигали красным камеры. Сонный охранник... как его? Всегда забываю имена. То ли Петер, то ли Питер... Неважно. Он подошёл и с важным видом нажал кнопку. Со мной даже не поздоровался, урод! А ведь из нашего кармана ему капает бабки.

Но меня в этом поместье не жалуют. Я младший сын великого Ван дер Хольта. Угрозы не представляю, в делах компании не участвую, просто прожигаю жизнь в тусовках. Это устраивает всех. Особенно Акселя.

Шлагбаум открылся без вопросов, и я заехал. У бокового входа заглушил мотор. Взял шлем под мышку и немного постоял, вдыхая свежий вечерний воздух.

Костяшки саднили: два часа лупил грушу в зале, потому что не мог уснуть. После поехал к Лизе... или Луизе? Хрен его знает. Не запоминал имена любовниц, как и любые другие. Кстати, она ничего так. Отлично справляется с моим аппетитом. Мне всегда мало секса. Он меня редко насыщает. Я могу заниматься им хоть всю ночь и остаться голодным. Почему? Потому что нет чувств. Одна физиология.

Но Лиза справилась сегодня хорошо. Или я просто от неё устал?

Когда уходил, она надула губки. Но быстро их раздула обратно, стоило мне бросить несколько сотенных купюр.

Шлюхи. Я любил их. Все вопросы и обиды решались деньгами, а у меня их много.

И теперь духи этой дамочки остались на воротнике куртки. Они отдавали бордельной сладостью.

Ещё немного понаслаждавшись тишиной, я зашёл через боковую дверь. В доме, по обыкновению, было тихо. Но я ненавидел эту тишину, потому что она воняла гнилью. Я вырос в этом и привык.

Пройдя вход в подвал, я стал подниматься к себе. Так короче и меньше шансов наткнуться на придурочного Акселя, который в три часа ночи вполне может сидеть у себя в кабинете и перебирать драгоценные отчёты. Наверное, он никогда не спит. У брата нет ничего человеческого. Иногда мне кажется, что, если его разрезать, там будет пустота.

Я шагнул ещё и услышал звуки. Обернулся.

Двое тащили кого-то мелкого. Это первое, что бросилось в глаза. Свет луны из окон упал на тёмные волосы, осветил белоснежную кожу. Это девушка? Любовница Акселя? Непохоже. Да и не обращались бы с ней так. Хотя... если сильно достала брата...

Но эта мышка в обычной измятой одежде. И рваной, ко всему прочему. Будто по асфальту волокни. Босые ноги скребли по полу.

Она дёргалась, пыталась вырваться, но беззвучно. Ни криков, ни стонов, ни даже шёпота. Я видел только её профиль. Девушка открывала рот, её шея напрягалась до жил, а звука ноль. Эта мышка задыхалась как рыба. Молча.

У меня есть одно железное правило: не лезть, не спрашивать и не узнавать. Оно работает безотказно уже двадцать четыре года. Благодаря этому правилу я жив, здоров, при деньгах и никто ко мне не лезет. В этом доме любопытство может стать фатальным.

Я хотел пройти мимо. И прошёл бы. Но что-то резануло внутри.

– Эй-эй! – крикнул я, и охранники обернулись.

Просто взгляну, что с девчонкой всё в порядке, и пойду дальше. Не убьют же они её... или убьют?

Мышка подняла голову. Серые большие глаза прошили насквозь. Они были полны ужаса и боли. И они не просили меня о чём-то. Как будто девушка уже смирилась с неизбежным и просто наблюдала со стороны.

– Стоп! – рявкнул я, когда охранники дёрнулись.

Это что... я сейчас сказал? На хрена? Но мужики замерли. Я их узнал. Один – Эл, широкий и тупой, с лицом как кирпич и такими же каменными мозгами, а второй, помельче... да фиг знает, как его зовут.

– Приказ Акселя, – буркнул Эл.

– И куда вы её? – подошёл я.

Они молчали, ничего не ответили. Потому что здесь никто не любит, чтобы кто-то совал нос не в свои дела.

По их мрачным лицам я понял, что девушку везут не на прогулку.

– Отпустили. Оба!

И с каких пор я вдруг стал спасителем странных девчонок?

Эл посмотрел на меня как на идиота. Что ж. Имел право. Я таким себя сейчас и ощущал. Просто обычно всё для меня проходило без последствий.

– Рейн, не лезь, – раздался тихий голос за спиной.

Аксель. Козлина.

Я обернулся. Он стоял около входа в подвал. Выглядел, как всегда, идеально: белая рубашка, закатанная до локтей, чистые ручки. Никогда не видел у него крови, даже когда по его приказу ломались кости.

Мы стояли друг напротив друга и сражались взглядами. Аксель уже в плечах, суше меня и явно холоднее градусов на десять. Он мне чем-то напоминал смесь Кощея и Кена.

– Не лезь, Рейн, – повторил он спокойно.

– Ты убьёшь эту девчонку?

– Она проблема.

Я обернулся, чтобы взглянуть на неё. Худая мышка с разбитой губой. Макушкой едва ли достанет мне до груди.

– Она весит килограмм пятьдесят. Какая, на хрен, проблема?

– Девчонка видела лица, дом и знает имена.

– И что дальше? Жалобу напишет? Кто ей поверит?

– Не стой у меня на пути, Рейн, – медленно подошёл Аксель. – Ты мой брат, но не думай, что у тебя есть хоть какие-то права что-то решать. Ты вообще не в курсе дел...

– Да у тебя самые крутые дела. Ты весь скоро лопнешь от своей гиперкрутости. Я не спорю. Но это уже перебор. Понял? Кого дальше будешь перемалывать? Младенцев?

Я понимал, что спорил с ним впустую. Но продолжал говорить, потому что иначе придётся молча смотреть, как хрупкую девушку уносят в темноту. А я уже один раз промолчал. Мне тогда было четырнадцать, и я до сих пор себя за это ненавижу.

Хрен ему, а не молчание. Меня он не тронет. Буду до утра стоять и испытывать его терпение.

Аксель подошёл совсем близко. Его лицо было буквально в тридцати сантиметрах от моего. В светлых глазах разверзлась пустота.

– Последний раз говорю. Отойди!

Но я не двигался. Пусть попробует сначала допрыгнуть до меня, потом уже что-то квакает. Он умнее, зато я сильнее. И я могу с лёгкостью его размотать по этому залу. Ну и охранников в придачу. А ещё... ну просто уже не мог бросить то, что начал. Девчонку, конечно, не знал, но она настолько мелкая, что, наверное, во мне включился синдром спасателя.

Аксель долго смотрел на меня, и я понимал, что это за взгляд. Он просчитывал, сколько я стою его времени и сил. Каждый человек для него – существо с ценником. Мой он вычислил давно. Ноль. Я нужен лишь для фотографий на семейных ужинах.

С вялой грацией Аксель достал телефон.

– Ла-а-адно, – протянул он. – Разбудим отца. Пусть решит, кого из вас закопать.

Его пальцы стали медленно набирать номер.

Ага. Тяжёлую артиллерию подогнал. Мне б побольше мозгов, я бы с ним посоревновался. Может, реально? Просто втащить? А утром объяснить отцу, что Акселю стоит поучиться себя защищать не только тупоголовыми охранниками.

Но брат уже поднёс телефон к уху и выжидающе смотрел на меня. В уголке его рта мелькнула улыбка, но больше механическая, как у куклы.

Я стоял и не двигался, только кулаки сжимал. Сердце колотилось так, что рёбра загудели. Нас сейчас отец обоих с этой девчонкой отправит на тот свет.

Что я делаю? Какого хрена?

В трубке послышался сонный и низкий голос отца.

– У нас ситуация, – бросил Аксель, глядя мне в глаза. – Нужно твоё вмешательство.

Глава 4

Рейн

Мы шли по коридору к кабинету отца, и я физически чувствовал холод, излучаемый Акселем. Придурок что-то задумал. Хочет ещё раз показать всем, какой я неудачник? Пусть попробует.

– Ты вообще слышишь себя? – процедил я, стараясь не повышать голос. Во мне всё кипело. – Ты притащил сюда девчонку. Во что ты превращаешь дом? Ты, твою мать, стал полумным киллером? В чём её вина?

– Она свидетель.

– Ты совсем уже? Такими темпами можно весь город перемочить!

– Именно так всё и работает, Рейн. Ты просто никогда не интересовался процессом.

Он даже не поворачивал головы, чтобы мне отвечать.

– Просто твой процесс – дерьмо. Я думал, это я вляпываюсь всегда в какую-то хрень, но ты меня переплюнул. Мне до тебя даже не дорасти. И знаешь, вообще не хочется. Ты такой дебил.

– И этот дебил занимается тем, что зарабатывает деньги, на которые ты, на минуточку, едешь на своём мотоцикле, пьёшь виски и трахаешь дорогих шлюх. – Аксель остановился и спокойно посмотрел на меня. – Не строй из себя праведника, братик. Тебе не идёт. Ты раньше достаточно успешно участвовал в процессе, закрывая глаза на всё. Что вдруг случилось? Встало на очередную шлюху?

Мои кулаки сжались. По телу потекла лава. Я ему точно сейчас втащу. Пусть только даст повод.

– Так она здесь при чём, Аксель?

– Она дочь человека, который украл у нас документы, и это может стоить нам сотни миллионов. Девчонка жила с ним в одном доме. И она очень даже при чём до последней сраной клетки.

– И ты грохнешь невиновного человека?

– Не люблю рисковать.

Он пошёл дальше, а я стоял секунду, пытаюсь унять бешенство. Потом двинулся следом, потому что выбора уже не было.

Кабинет отца располагался в дальнем крыле. Я здесь редкий гость. Каждый раз выходил с ощущением, что меня перемололи через мясорубку, а после хорошо прожарили.

Магнус Ван дер Хольт сидел в кресле, в халате, со стаканом воды в руке. Ни следа сна на лице. Может, он вообще не спал. Я ни разу в жизни не видел, чтобы у него дрогнула хоть одна мышца. Ни на похоронах матери. Ни когда я в шестнадцать разбил машину и чуть не убился. Его ничего не могло сокрушить. Да что уж там... просто шелохнуть.

Брат коротко и без эмоций обрисовал проблему. И я тоже послушал, потому что пока не знал, во что впрягся.

Ивор Линд, бывший аудитор, обнаружил документы по строительному дивизиону Акселя. Скопировал их и спрятал. В итоге... как сказал Аксель, его пришлось убить. Вместе с женой. И он назвал это инцидентом. Что, твою мать? Двух человек застрелили и это... инцидент?

Дочь жива, но бесполезна. Информацией не владеет и является угрозой безопасности. Он сразу предложил от неё избавиться. Но ему помешал я.

Я слушал и чувствовал, как желудок сворачивается в узел.

Меж тем отец повернулся ко мне.

– А ты что скажешь?

– Она никому не расскажет. Аксель её до полусмерти напугал.

– Гарантии?

Какие, к чёрту, гарантии? Я открыл рот и закрыл. У меня их не было. В моём арсенале только идиотский порыв, из-за которого я встал горой в том коридоре между Акселем и той девчонкой.

– Она не говорит, – вставил Аксель ровным тоном. – Немая с детства, судя по всему. Физически не может произнести ни слова, но это слабая гарантия.

– Что? – посмотрел я на него.

Никак не мог переварить информацию.

– Немая, Рейн. Ты ведь даже этого не знал, когда полез? – В его голосе проскользнуло веселье. – Вступился за девчонку, не зная о ней ровным счётом ни хре-на. Впечатляет. Bravo.

Немая? Поэтому она не кричала и не звала на помощь? Вот что меня зацепило? Беззвучная и чудовищная тишина, от которой всё внутри перевернулось.

– Тем более, – пришёл я в себя и повернулся к отцу. – Она не может рассказать. Физически.

– Но может написать, – усмехнулся Аксель. – Может набрать текст, показать жестами. Немота – это не молчание, Рейн. Не будь ребёнком.

– Она знает наши лица, – медленно произнёс отец, взвешивая каждое слово. – Наш дом, имена. – Он сделал глоток воды, поставил стакан на стол и посмотрел на нас обоих, переводя взгляд с одного на другого, и в конце заключил: – Либо она наша, либо её нет.

Меня за секунду сковал ледяной ужас.

– В смысле... наша?

– В прямом. – Отец откинулся в кресле и сложил руки на животе. – Ты вступился, Рейн. Ты за неё отвечаешь. Женишься и привяжешь к семье. И через неё найдёшь то, что спрятал её отец. К тому же жена не свидетельствует против мужа. Это не сентиментальность – это юриспруденция.

Земля поехала из-под ног. Я сглотнул, провёл рукой по воротнику.

– Ты шутишь, – хрипло выдавил я из себя.

Только этого не хватало. Такого поворота событий я не ожидал.

– Я когда-нибудь шутил?

Нет. Магнус Ван дер Хольт даже не улыбался. Он всегда отдавал приказы, а за неисполнение закапывал. И между первым и вторым пространства для шуток не было.

– Это твоя работа, – продолжил он, глядя мне в глаза. – Войди в доверие, узнай детали, где хранит, кому передала. Не справишься... – отец перевёл взгляд на брата. – Аксель закончит оба дела. И её, и документы.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Вот я влип!

Брат еле заметно кивнул. Мне показалось, что даже улыбнулся.

Отец выдвинул ящик стола, достал что-то маленькое, тёмное. Положил на стол.

Это оказалось кольцо. Я узнал его. Оно принадлежало Грете. Маме.

Воздух кончился.

– Возьми, – бросил отец. – Утром приедет регистратор к девяти. Я позабочусь об этом.

Протянув руку, я коснулся кольца. Маленькое и тонкое. Мама носила его двадцать лет и сняла за неделю до смерти. Сказала, что жмёт, но я знал, что она врала. Просто она больше не хотела принадлежать этой семье. И через неделю её не стало.

Я вышел, не попрощавшись. Аксель что-то говорил вслед, но я уже не слышал. Гул в голове заглушал всё.

Всю ночь я не спал, и утро пришло слишком быстро. Я сидел в кресле у окна, крутил кольцо между пальцами и думал.

Ник появился в семь, потому что я его позвал. Высокий, жилистый, собранный, как всегда. Мой начальник охраны и единственный друг.

Он окинул взглядом комнату и цокнул. Да, я знал. Пустая бутылка виски на полу и разбитая часть мебели говорили без слов.

– Хреново выглядишь, – констатировал он.

– Я идиот, Ник.

– Ну, допустим, это не секрет. Что на этот раз?

Я коротко рассказал ему об этой ночи. Без драматизма и сухо. Ник сел на диван и молча слушал, скрестив руки. Его лицо не менялось. Мне нравился этот навык. Я так не умел. У меня на роже обычно красная строка бежит из моих чувств.

– Ты влез за незнакомую девчонку против Аксея и Магнуса, – подытожил Ник, когда я закончил. – А теперь женишься.

– Ага.

– На немой девушке, которая, вероятно, хочет тебя убить, потому что твоя семья убила её родителей.

– Выглядит скверно, – пробормотал я.

Ник долго молчал, а потом усмехнулся.

– Ну, хоть тихо будет.

Я швырнул в него подушкой, но он увернулся. Отличные рефлексy. Я однажды видел, как он, не глядя, поймал стакан в полёте, который падал со стола. Это немного бесило.

– А если серьёзно? – спросил он.

– Я в дерьме. Если не найду документы, Аксель убьёт девчонку. И меня, возможно, за компанию.

– А документы существуют? Точнее, их точно украли?

– Аксель уверен, что да. Её отец работал аудитором, что-то скопировал и спрятал. Акселю нужно это вернуть, а я должен через неё узнать, где всё хранится.

– А она-то знает?

– Говорит, что нет.

– Пишет, что нет, – поправил Ник без иронии.

Я потёр лицо ладонями.

– Да. Пишет, твою мать. У меня будет жена, которая не может даже пожелать доброго утра.

– Зато на хер не пошлёт, – улыбнулся друг. – Плюсы есть.

Я взглянул на него, и он поднял руки вверх, капитулируя. А потом встал и подошёл к окну.

– Ты ведь понимаешь, что всё это не про неё, – пробормотал Ник, не оборачиваясь. – Твой отец проверяет тебя. Впервые даёт настоящее задание и посмотрит, справишься ты с ним или нет.

– Херовое задание. Жениться на девушке, чью семью мы уничтожили. Блеск!

– А ты думал, он тебя за красивые глаза кормит? Ты Ван дер Хольт, Рейн, – повернулся ко мне Ник. – Рано или поздно пришлось бы отработать фамилию.

По коже расплзлись неприятные мурашки.

Друг ушёл, сказал, что будет внизу, если понадобится. Я остался один. Встал, подошёл к окну и увидел двор в сером утреннем свете. У дальнего крыла мелькнула маленькая фигура. Охранник куда-то вёл мою невесту, держа за локоть. Она шла, опустив голову. Ей даже не удосужились дать обувь. Так босая и шлёпала маленькими ножками. Девушка казалась очень хрупкой рядом с этим каменным домом. А я ведь больше его.

В голове роились мысли. Этот дом через неделю или две перемелет её. Не выдержит. Здесь остаются только самые толстокожие.

Она подняла голову и посмотрела на фасад. Я заметил, что девушка внимательно изучала дом, как будто бы даже считала этажи. Она не ломалась, рассматривала свою клетку.

Я отвернулся, налил виски из новой бутылки и выпил. Обжигающая волна прокатилась по горлу.

Через два часа я женюсь. Какой ужас.

Около стакана блеснуло кольцо. Я поднял его и сжал в кулаке. Металл впился в ладонь. Мама сняла кольцо, потому что хотела перестать быть Ван дер Хольт. И ей это удалось. Навсегда. А я собирался надеть его на другую женщину и сделать из неё то же самое. Пленницу с красивым кольцом на цепочке.

Ошейник. Для нас обоих.

Глава 5

Элара

Меня затолкнули в комнату и приказали приготовиться к... свадьбе? Серьёзно? Конечно, это лучше, чем смерть в лесу, но я никак не могла понять ход мыслей этих людей. Да и спросить не у кого.

– Иди в душ и приведи себя в порядок. Платье принесут позже, – грозно сказал охранник и скрестил руки на груди.

Он явно не собирался уходить. Будет сидеть здесь, как цепной пёс, и караулить меня.

Но тут его отодвинула маленькая смуглая женщина в одежде горничной. Её лицо уже тронули морщины. Голубые глаза смотрели строго, но в них можно было найти крупинку доброты.

– Иди попей кофейку, – проскрежетала она церберу. – Я сама справлюсь.

– Но...

– Иди-иди.

Мужчина запротестовал, но его быстро вытолкали за дверь.

– Я Марта, – подошла она.

Её пытливый взгляд остановился на моей опухшей руке.

– Бедолага. Я вызову врача. Пусть осмотрит. Распоряжусь, чтобы тебе принесли поесть.

Если нужна помощь, я к твоим услугам.

Я заметалась в поисках хоть какой-то бумаги и ручки, но ничего подходящего не нашла.

Показала жестама, что нужно.

– Не можешь говорить? Немая?

Кивок был моим ответом.

– На вот. – Марта достала из подола блокнот и протянула его мне вместе с карандашом.

Пока я писала, всё причитала: – Что ж это... ироды такие. Не угомонятся никак.

Меня интересовал один вопрос: зачем меня женят и на ком? На страшном Акселе? Или на том, кто заступился за меня?

– На Рейне, младшем Ван дер Хольте, – ответила женщина, прочитав мои каракули. – Но я не знаю почему. В голову господ не влезешь. Нам запрещено задавать вопросы.

Я обняла себя руками и всхлипнула. Слезы катились по щекам большими каплями. Это всё не со мной происходит. Я не заслужила. Почему так? Что за звери живут в этом доме?

– Ну-ну. Рейн не такой уж и плохой. – Марта подошла и платком вытерла щёки. – Давай я помогу тебе раздеться. С одной рукой неудобно.

Я села на кровать, и вместе мы справились с одеждой. После она помогла мне помыться в ванной, привела волосы в порядок. Но я так и не могла успокоиться даже под её мирное бормотание.

Как бы меня ни пытались украсить, всё равно проступал синяк на скуле, прикушенную губу тоже было сложно закрасить помадой.

Пришедший врач только наложил шину и сказал, что нужно ехать в больницу, сделать рентген и вправить кость. Никто в этом доме не мог мне помочь. Все видели меня, но как будто так и должно быть. Видимо, у Ван дер Хольтов принято молчать обо всём. Сколько страшных скелетов раскидано по этому дому?

Когда я попросила, чтобы Марта позвонила в полицию, она только печально покачала головой.

– Полгорода под их влиянием, деточка. И в полиции тебе не помогут. Смирись. А если кто узнает, что мы так сделали, то... даже не хочу говорить, что будет.

И я поняла. Из этой клетки мне не выбраться. И родителей похоронить не смогу.

В какой-то момент во мне выключились все эмоции. Я больше не могла переживать. Закончились силы. И просто делала то, что скажут.

Меня нарядили в белое платье. Совсем простое. Его даже свадебным не назвать. Это мой саван.

Марта помогла застегнуть пуговицы на спине, и на мгновение её пальцы замерли. Я повернулась и буквально на миг увидела, как в глазах женщины мелькнула грусть. Но горничная тут же встрепенулась и продолжила свою работу. Перед выходом дала ещё обезболивающего. И вместе с охраной меня проводили вниз.

В гостиной собралось всё семейство. Самый старший – видимо, отец – стоял у окна. По комплекции он был похож на моего будущего мужа. А вот глаза как у Акселя. Тот же сидел в кресле, скрестив руки на груди. Явно скучал, в отличие от регистратора. Высокий, худощавый мужчина нервно перебирал бумажки на столе.

И конечно же, там находился жених. Он ходил из угла в угол, смотря куда-то себе под ноги.

Когда мы зашли, все взгляды вонзились в меня иглами. А я смотрела только на Рейна. Впервые видела его при свете дня. Вчера ночью не могла разглядеть. Мне было интересно увидеть того, кто вобьёт последний гвоздь в крышку моего гроба.

Он оказался высоким, широкоплечим. Пиджак смотрелся на нём немного нелепо, потому что чересчур сильно обтягивал все его мышцы. Явно не та одежда, которую он носит каждый день. Каштановые волосы лежали небрежно, будто только что с подушки. Из тёмных глаз сочилась усталость и злость. Но они красивые. И от этого становилось ещё более тошно. У палачей не должно быть красивых глаз.

Он не побрился. На щеках – лёгкая щетина.

Меня подвели к нему, и я почувствовала запах дорогого парфюма, перемешанного с виски. Пил, наверное.

Он взял меня под локоть и довольно грубо подвёл к столу, усадил на стул и сам сел рядом. Всё происходило как во сне. Я будто плыла в тумане, отмечая лишь факты.

Все молчали, кроме регистратора. И, если честно, это мероприятие больше напоминало похороны. Хотя, может, оно так и было.

Торжественную речь никто не произносил. Нам дали только бумаги на подпись. Он размашисто написал своё имя и подвинул папку мне. Я взяла ручку. Пальцы дрожали. Несколько секунд смотрела на графу, где надо расписаться.

– Ну же. Давай закончим это наконец, – бросил он слегка раздражённо.

У меня нет выбора. Либо так, либо гнить в земле.

Кое-как я вывела подпись.

– Можете обменяться кольцами, – проблеял регистратор.

Мой уже муж достал из кармана кольцо на цепочке, посмотрел на мою руку, замотанную в шину. Челюсти Рейна сжались. Кажется, мужчина ещё больше разозлился. В его голове что-то щёлкало. Наверное, прикидывал, как надеть на распухший палец кольцо. Но оно было на цепочке. Поэтому он просто расщёлкнул замок и склонился, чтобы застегнуть украшение.

Я слышала его пыхтение у уха.

– Чёрт! Волосы мешают! – пробубнил Рейн и почти нежно убрал пряди.

Это лёгкое прикосновение так контрастировало с тем, что происходило вокруг. С его раздражением, злостью, с напряжённостью, которая витала в воздухе.

Ласковый палач. Даже смешно.

Секунда, и замок защёлкнулся. Кандалы на месте. Меня заковали навечно.

Началась какая-то суета. Отец семейства покинул помещение вместе с регистратором. К нам подошёл Аксель.

– Ну что, братик. Прими мои искренние поздравления.

В его голосе слышалась насмешка. Я смотрела на пол, не хотела встречаться с ним взглядом. Но в одно мгновение его пальцы схватили меня за подбородок. Мерзавец поднял мою голову и заставил на себя смотреть.

– Красивая невеста. Повезло. Но я бы лучше её закопал. Симпатичных девиц полно, а вот...

– Хорош! – резко ворвался между нами Рейн.

Я не поняла как, но теперь смотрела на его спину.

Продолжает защищать. Даже после всего этого. Странно.

– Раз это моя ответственность, то так тому и быть. А ты держи руки при себе. Понял?

– Ладно-ладно, – примирительно промурлыкал Аксель и тихо ушёл.

Мы остались одни.

– Пойдём, – повернулся муж. – Покажу тебе комнату.

Он направился к выходу, а я всё так и продолжала сидеть на стуле. Силы закончились. В голове мутнело. Мне хотелось плакать, но слёз уже не было.

Я попыталась встать, оперевшись на стол, но земля поплыла.

– Эй-ей! – только и услышала я вскрик Рейна.

На секунду сознание отключилось, а когда пришла в себя, то он уже нёс меня куда-то.

Глава 6

Элара

Я дёрнулась, желая, чтобы он отпустил меня, но мужчина только пробубнил:

– Спокойно лежи. Не создавай ещё больше проблем.

Мне была неприятна такая близость. Я чувствовала его мышцы, дыхание. Руки, которые держали. Кажется, будто ему не стоило никаких усилий вот так меня нести. Не хотелось его касаться, но пришлось. Потому что ещё никто не поднимал меня. И я вцепилась в его спину.

Рейн на секунду повернул голову, и наши лица оказались слишком близко друг к другу. Его челюсть нервно двигалась, а чёрные глаза прожигали. Я замерла. Забыла, как дышать.

Мужчина дёрнул головой и как-то грустно хмыкнул. Теперь он смотрел только прямо перед собой.

– Мы с тобой женаты лишь формально, – начал он тихо, но безэмоционально. – Ты просто будешь жить здесь. Я тебе ничего не должен, и ты не должна мне.

А как же родители? Кто заплатит за их смерть? Мне хотелось сейчас обвинять всех вокруг. Если бы только я могла говорить.

Он толкнул ногой дверь, и мы вошли в новую комнату.

– Это твоя спальня. Моя напротив. Не перепутай!

– Господин Ван дер Хольт, – услышала я голос Марты, и Рейн вместе со мной развернулся к ней.

– Что? – почти рявкнул он.

– Вашей жене нужно в больницу.

– Охрана пусть отвезёт.

Рейн всё порывался меня положить на постель, но отважная женщина не давала.

– А вдруг нужно будет подписать документы? А вы сейчас единственный её родственник.

Мужчина на секунду замер. Потом раздражённо рыкнул и быстро понёс меня обратно по коридорам.

– Вот же беда на мою голову, – ворчал он, сильнее прижимая к себе, когда надо было открывать двери. – И зачем я только в это вляпался. Идиот. Дебил.

Он зашёл в гараж и усадил меня на переднее сиденье спортивного автомобиля. Когда пристёгивал меня, опять оказался слишком близко. Теперь уже замер и несколько секунд рассматривал моё лицо.

– Я вожусь с тобой не из-за того, что я добрый, – наконец выдал он. – Это всё нелепая случайность. Урок я усвоил. Мне на хрен не сдалось кого-то спасать. Пусть Аксель хоть всех в этом городе перемочит.

В моей голове сразу же вспыхнули жуткие картинки с родителями. Всю затрясло. И глаза снова стали гореть. Тоска вырывалась наружу слезами.

– Чёрт! – выругался Рейн, резко выпрямился и с такой силой захлопнул дверь, что я вздрогнула.

В окно наблюдала, как он бесится. Бьёт ногой по колесу. Из его рта вырывался отборный мат.

Только через несколько минут он успокоился, провёл рукой по лицу и сел за руль.

Машина заревела, и мы помчались по дороге.

Рейн водил жёстко. Уверенно. Но такая скорость мне не нравилась, и я вжималась в кресло. От испуга я вцепилась пальцами в его плечо.

– Что? Нравится скорость? – как-то злобно бросил он, не смотря на меня.

И вдавил газ ещё сильнее.

Если мы умрём, то, наверное, это будет быстро.

Я глубоко вдохнула и закрыла глаза. Не хочу видеть свою смерть такую. Понятно, почему он гнал: у каждого есть свой способ избавиться от стресса, и Рейн явно приходил в себя только так. Зачем ему заботиться о какой-то девчонке, которую навязала семья. В этом я была уверена. Не выглядел он счастливым женихом.

Мне оставалось считать секунды. Казалось, мы вот-вот разобьёмся.

Но машина затормозила, и я открыла глаза. Мы стояли возле современного медицинского центра. Скорее всего, частная клиника. Рейн глубоко дышал и смотрел прямо перед собой.

Только сейчас я поняла, что всё ещё сжимаю пальцами его плечо.

Отдёрнув руку, я прижала её к груди. Мне хотелось, чтобы весь этот кошмар наконец закончился.

Мой муж вышел из машины и обогнул её. Движения у него были рваные, дёрганные.

Он открыл мою дверь, отстегнул ремень и потянул за локоть. Вот сейчас я видела грубость. Таким и должен быть Ван дер Хольт.

Мы вошли в приёмную, и буквально через пять минут мне уже делали рентген. А ещё через пятнадцать – меня обступили врачи и больно растянули руку, чтобы вправить кость.

От резкой боли мне поплохело. Закружилась голова. Если бы могла кричать, то орала бы на всё отделение.

Вообще, у меня был голос когда-то. Но после того как в пять лет на моих глазах машина сбила мою сестру, я перестала говорить. Врачи диагностировали психогенную афонию. Я молчала уже пятнадцать лет и общалась с помощью музыки. В ней моя жизнь и вся я. А теперь...

Мою руку забинтовывали в гипс, пока я приходила в себя.

– Перелом со смещением. Посмотрим, как будет срастаться, – бормотал доктор Рейну.

Тот стоял у окна, прислонившись к подоконнику, и серьёзно смотрел. Кажется, снова злился, но непонятно на что. У него даже напряглись мышцы шеи, и я видела вздувшуюся вену. Надоела ему? Хочет побыстрее избавиться? Здесь мы с ним солидарны. Я тоже не особо желала его видеть.

Врач доделал свою работу и сел за компьютер делать записи. Я же тем временем подошла и, взяв ручку с бумажкой, коряво накорябала: «Смогу ли я играть на фортепиано?»

Оторвавшись от экрана, доктор прочёл её вслух. Сбоку послышался ехидный смешок от Рейна. Оно и понятно. У него-то жизнь вся расписана по минутам. Золотой мальчик. Мажор.

А я хотела оставить хоть что-то. В память о родителях... и о себе. Если не смогу играть, то потеряюсь во тьме этого страшного дома.

– Эм. Через месяц, если всё будет хорошо, снимем гипс, – добродушно улыбнулся врач. – И тогда посмотрим. Перелом несложный. Должно зажить без проблем.

Я была благодарна ему за слова, но в то же время ненавидела. Все они работали на семью Ван дер Хольтов. Он даже не спросил, откуда у меня разбитая губа и сломанный палец. Им всё равно, когда они слышат эту фамилию.

Доктор продолжил заполнять документы, а я села на стул. Хотелось закрыть глаза и провалиться в пустоту.

Тишина кабинета успокаивала. В мыслях – чистый лист. Я, кажется, начала дремать.

– Вот и всё! – поднялся доктор и отдал бумаги Рейну. – Нужно будет сделать ещё рентген, и ко мне через неделю.

Муж прошёл мимо меня, бросив только:

– Пойдём.

Я встала и поковыляла за ним. Оказавшись в машине, я откинулась и снова закрыла глаза. На этот раз Рейн вёл спокойнее, и я заснула. Проснулась уже, когда он нёс меня на руках по коридорам дома, но решила притвориться, что до сих пор сплю, потому что сил не было даже отбиваться.

Рейн положил меня на кровать, на несколько секунд задержался напротив моего лица. Я почувствовала обжигающее дыхание мужчины. А потом быстро вышел.

Сейчас мне хотелось провалиться в тишину и спокойствие сна. И я, закутавшись в одеяло, заснула.

Не знаю, сколько спала, но разбудили меня странные звуки. Как будто кто-то вскрикивал. Голова гудела, во рту было так сухо, словно в пустыне.

Я встала и тихонечко пошла искать кухню. Выйдя в коридор, поняла, что за дверью Рейна стонет женщина. Они что... занимались сексом?

Мои ноги сами подошли к его комнате. Да. Всё так. Тихий скрип кровати смешивался с их страстными возгласами. Не о такой свадьбе я мечтала. И уж точно не думала, что в первую брачную ночь мой муж будет трахать другую.

А в принципе, без разницы. У нас и не любовь с ним. Его семья убила моих родителей, а я осталась жива только благодаря лёгкой нотке его мужества. Она явно не вписывалась в общий оркестр его семьи и выглядела на их фоне как фальшивая секунда. Единственный сбой в партитуре, написанной кровью.

Я быстро пошла вниз и, пока наливала воду, видела за окном охрану. Они сторожили дом даже ночью. Мне не выбраться, не сбежать.

На столе лежала газета. И в свете ночников я зацепилась глазами за строчки: «ДТП со смертельным исходом произошло минувшей ночью на участке шоссе близ Уинтерфолла. Супруги Ивор Линд, 55 лет, и Джессика Линд, 52 года, погибли в результате столкновения их автомобиля с дорожным ограждением. По словам представителя полиции, причиной аварии, предположительно, стала техническая неисправность транспортного средства. Пострадавших среди других участников движения нет».

Значит, даже это смогли подстроить. Люди с пулями в теле попали в аварию... Всё куплено. И полиция в том числе.

Несколько крупных капель упали на бумагу. Кажется, я не перестану плакать. Мои родители мертвы, а я в этом страшном замке. И никто не станет меня искать. Я пленница с обручальным кольцом на шее. Вот такой и будет моя жизнь.

Боже, за что?

Глава 7

Рейн

Утром я чувствовал себя так, будто по мне проехался грузовик. Открыв глаза, увидел рядом с собой... как же её звали? Впрочем, неважно. Забыл. Что-то на «А». Аделин? Ария?

У неё красивые рыжие волосы, и она отлично скачет. Выносливая. Это всё, что мне необходимо знать.

Я медленно поднялся, натянул штаны и вышел. Мне нужно кофе, и много.

Перед кухней замер. Спиной ко мне стояла Элара. А вот её имя почему-то врезалось в память клеймом. Девушка что-то готовила себе. Она была одета всё в то же белое платье.

– У нас есть слуги, чтобы готовить завтрак, – буркнул я, смотря, как она с трудом справляется одной рукой.

От моего голоса Элара вздрогнула и резко повернулась. Её глаза опухли, видимо, ночью плакала. Косметику девушка стёрла, и теперь я отчётливо видел разбитую губу и синяк на скуле.

Чёрт! Я сам не прочь иногда с кем-то побоксировать, но женщин не бил никогда. Что же за охрана у сраного Акселя.

Поневоле сжались кулаки.

А меж тем я поймал себя на том, что неотрывно смотрю в её глаза. Какой необычный цвет: серый, с зелёными прожилками. В них плескалась пугливая настороженность. Будто она ожидала от меня удара или чего-то плохого. Её здоровая рука вцепилась сзади в столешницу.

Я подошёл ближе и достал турку.

Элара тем временем отступила. Схватив со стола карандаш и блокнот, написала: «Я предпочитаю готовить сама».

– Думаешь, я собираюсь тебя отравить? Если бы хотел, то уже сделал бы это, – усмехнулся я.

Выждав несколько секунд, я отошёл. Больше она ничего не писала.

Девушка начала коряво переключать себе яичницу на тарелку. Всё, разумеется, падало.

– Тебе помочь? Или не мешать?

Она опалила меня злым взглядом и отрицательно мотнула головой.

Я уже было собрался всё же закончить её мучения с едой, как вдруг на плечо легла рука.

– Рейн, милый, а это кто? – промурлыкала моя ночная бабочка.

Встала всё же.

– Жена, – бросил я.

Рыжеволосая красавица рассмеялась и, развернув моё лицо, впиалась жадным поцелуем.

– Ты такой шутник, – проворковала девушка.

Я не стал разубеждать. Элара должна понять, что наш брак – это формальность. Может, таким способом я сломаю её и она сама отдаст информацию. Потом оба будем свободны. Или сбежит куда? Хотя этот вариант плохой. Очень плохой. Зря я её, что ли, спасал, чтобы девчонку пристрелили в тридцати метрах от дома.

А может, я просто не выношу то, как она смотрит с презрением. У всех женщин при виде меня глаза загораются, а у этой – гаснут. И это до чёртиков бесит.

Я чуть повернул голову и увидел, как Элара быстро доскребла яичницу, взяла тарелку и пошла на выход.

По пути задела меня плечом. Специально? Наверное. Она явно злилась.

Рыжая потянулась ко мне, но я уже не обращал на неё внимания. Сварил кофе, выпил, обжёгся и даже не заметил этого. В голове крутилась маленькая мышка, худая, почти прозрачная, словно призрак.

Херня какая-то.

– Рейн, ты меня слушаешь? – капризно протянула ночная бабочка.

– Нет, – рыкнул я. – Вызови такси. Деньги на тумбочке.

– Но...

– Проваливай!

Она что-то ещё обиженно щебетала, но я уже шёл к спортзалу. Когда внутри пожар, у меня два выхода: бить или ехать. Мотоцикл стоял в гараже, и сейчас не то время, значит, бокс.

Зал находился в восточном крыле. Стеклянная стена от пола до потолка выходила в коридор. Так Аксель мог видеть, кто тренируется, не заходя внутрь. Контролёр хренов. Но сейчас мне было плевать. Я скинул футболку, надел перчатки и начал молотить грушу.

Минут через пятнадцать увидел в стекле отражение Эллары. Она шла по коридору, прижимая к груди блокнот, и смотрела прямо перед собой.

На секунду девушка остановилась, и её взгляд скользнул ко мне.

Я замедлился. Мышцы гудели.

В отражении я увидел, как она рассматривает меня: плечи, руки, татуировки, сползающие по груди. Но я не чувствовал интереса, скорее, это походило на злобное любопытство.

Я пару раз ударил по груше. Руки были напряжены, вены вздулись. И снова взглянул. Но она уже исчезла. По коридору только разносился звук быстрых удаляющихся шагов.

Я ухмыльнулся. Остановил раскачивающийся снаряд, а после ухмылка сползла, потому что пульс колотился бешено. И это вовсе не от тренировки.

– Идиот! – проворчал я себе под нос.

Дальше пошли обычные дела: болтовня с приятелями, планирование вечера. Я вёл праздничный образ жизни. Может, стоило заняться каким-то своим бизнесом, но пока я не понимал, куда двигаться. Отец оплатил мне достойное образование, но в его сферу я лезть не хотел, а делать что-то своё не решался. Вот так и завис между тусовками и мечтами.

Эллара спустилась на кухню в полдень. И сразу же сунула мне под нос блокнот, пока я обедал. Ник сидел напротив и чуть не подавился, увидев мою безмолвную жену с решительным лицом.

«Мне нужно фортепиано».

Я прочитал, посмотрел на неё. Она стояла прямо, спина была напряжена, а подбородок чуть задран. Серые глаза прожигали меня. Блокнот девушка держала в левой руке, а правую прижимала к бедру.

– Нет, – ответил я и вернулся к еде.

Ещё не хватало здесь привлекать внимание.

Эллара не двинулась. Стояла и ждала. Я чувствовал её взгляд на своём лице. Он давил, зарывался в душу.

– Я сказал «нет»! Не знаю, как это на языке жестов, но ты же не глухая?

Эллара перевернула страницу и написала новую строчку. Пододвинула ко мне по столу.

«Ты отнял у меня всё. Оставь хотя бы это».

Я вскипел. Сжал челюсти. Прочёл ещё раз.

– Я ничего у тебя не отнимал, – процедил я, глядя ей в глаза. – Это сделал Аксель. А я вытащил тебя из этого дерьма. Поэтому не путай ничего. Поняла?

Эллара наклонила голову набок и беззвучно усмехнулась. Правда, как-то горько. Потому забрала блокнот и ушла.

– Жёстко ты с ней, – пробормотал Ник.

– Я и сам по самые гланды в говне. На хера мне ещё проблемы?

– Ну, поставь у себя в крыле фортепиано, и никто даже слова не скажет. В чём проблема?

– Заткнись, Ник.

Он поднял руки и вернулся к своему стейку, но я видел, как он прыснул. Явно не одобрял моего поведения.

Весь остаток дня слова из записки не вылетали у меня из головы. Я ходил по дому, занимался с мотоциклом, чтобы занять руки, общался с приятелями по телефону, но всё бесполезно. Её корявые строчки жгли мой мозг.

Элара хоть и была сломанной и без голоса, но будто требовала у меня это. А ещё я заметил, что мы с ней немного похожи. Все в этом доме ползали на коленях перед моим отцом и Акселем. Все, кроме меня и неё. А раз в этом мы сошлись, значит, похер на них.

Я взял телефон и набрал номер нашего семейного помощника Сэма.

– Привезите фортепиано.

– Какой?

– Самый лучший и дорогой.

– Я уточню.

– Мне нужен до вечера.

Положив трубку, я почувствовал себя последним кретином, потому что шёл на поводу у девчонки.

Ближе к ночи грузчики привезли рояль фирмы «Стейнвей». Взглянув на ценник, я присвистнул. Не думал, что инструменты могут столько стоить.

Его затащили в моё крыло, а я стоял в коридоре и смотрел на всё это, прислонившись к стене. Несколько мужиков пыхтели, потели. Рояль оказался огромный: блестящий, чёрный, с изогнутой крышкой. В ней прикольно отражалась люстра.

Но он выглядел совершенно нелепо в этом доме. Почти как бабочка в морге.

Элара вышла на шум и замерла в противоположных дверях. Её руки упали вдоль тела. Девушка смотрела на рояль, и в её глазах будто рождалась и умирала вселенная. В какой-то момент даже подбородок дрогнул.

Нет-нет-нет! Только не плачь.

Я ни хрена не знаю, что делать с чужими слезами. С женскими и подавно. А с её... вообще караул.

Но Элара не заплакала, лишь бросила на меня быстрый взгляд и что-то чиркнула в блокноте.

А потом вырвала лист и подошла.

На клочке бумаги было написано: «Спасибо».

– Не за что, – буркнул я. – Можешь играть сколько хочешь.

Я невольно чувствовал вину. И хоть убеждал себя, что виноват только Аксель, её родителей убили люди Ван дер Хольтов. А я имею к ним прямое отношение.

Я ушёл, не оборачиваясь.

Вечером не мог найти себе места. Бродил по дому. Ник уехал по делам, Аксель, слава богу, торчал в офисе, отец же заперся в кабинете где-то далеко, в своём крыле. Тишина огромного поместья давила на уши.

И вдруг я услышал мелодию.

Ломаный и неровный звук шёл из гостиной. Элара играла только одной рукой. Ноты спотыкались, обрывались и начинались заново.

Я пошёл на звук. Дверь была приоткрыта. Девушка сидела за роялем, освещённая одним торшером. Тёмные волосы закрывали лицо. Левая рука неуверенно и медленно бегала по клавишам, а правая лежала на коленях. Элара играла что-то грустное. Даже сердце защемило. От этой музыки хотелось только смотреть в окно и молчать.

Я прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди.

– Звучит как что-то умирающее, – усмехнулся я в своей идиотской манере.

Не любил драмы, и мне совсем не нравилось это чувство тоски.

Элара захлопнула крышку рояля так громко, что удар прокатился по комнате. Девушка резко встала и повернулась ко мне.

В её глазах я прочёл бешенство. Как будто вся злость, что накопилась, сейчас вырвалась наружу.

Она быстро подошла ко мне и задрала голову. А я чуть наклонился, но от этого мы стали лишь ближе.

Да, я застал её в самый уязвимый момент. Не знаю, как там у пианистов. Возможно, они входят в транс и своей репликой я разрушил её момент. Именно поэтому сейчас получал столь злобный взгляд. Но мне не нравилось такое отношение.

– Осторожнее, девочка, – сказал я тихо. – Будешь так хлопать крышками, я решу, что ты пытаешься привлечь моё внимание.

Элара толкнула меня в грудь, но я даже не качнулся. Я весил как минимум вдвое больше неё.

Она пихнула ещё раз, явно выпроваживая меня отсюда.

Я перехватил её здоровое запястье и рывком развернул. Ей спина впечаталась в мою грудь.

И на мгновение меня прошибло искрой.

Элара была маленькая, тонкая. Горячая. Я чувствовал, как ходят её лопатки, как вздымается грудь от тяжёлого дыхания. Мой подбородок оказался ровно над её макушкой. Волосы пахли обычным, самым дешёвым шампунем, а не духами или бордельной сладостью. И от этого я стал дуреть.

Я скользнул вниз, коснулся её уха и ощутил, как по телу девушки прошла дрожь.

А потом опустил взгляд и увидел её хрупкое запястье в своей огромной ладони. Тоненькая венка быстро билась под большим пальцем.

– Пульс, – шепнул я. – Сто двадцать, не меньше. Это ненависть или что-то поинтереснее?

На секунду Элара замерла, но лишь только я разжал руки, девушка вырвалась, отскочила. У двери развернулась и посмотрела на меня жгучим взглядом. Слова были не нужны. Я знал, чего она хотела, – уничтожить меня.

Когда Элара ушла, я всё ещё стоял и не шевелился. Грудь хранила тепло её спины.

Я дышал рвано, и это раздражало.

– Чёрт! – вырвалось у меня.

Подойдя к роялю, я провёл пальцами по крышке, поднял её и долго смотрел на клавиши. Подумалось, что девушка так разговаривает. Музыкай. А я назвал её голос умирающим.

Молодец, Рейн. Так держать.

А ночью, когда я уже собирался засыпать, под мою дверь влетела записка.

Я встал, открыл дверь.

Никого.

Развернув бумажку, прочитал: «В следующий раз предупреди, когда позовёшь к себе шлюху. Я заткну уши. И кстати, судя по её стонам, она симулировала и совсем от тебя не в восторге».

Мне понадобилось пять секунд, чтобы понять, что это Элара про прошлую ночь говорила. Та рыжая. Оказывается, моя жена всё слышала.

Сначала я прыснул, а потом рассмеялся, прижавшись лбом к дверному косяку. Немая девчонка язвительно отчитывала меня. Забавно.

Смех кончился резко, будто его обрезали.

Внутри что-то кольнуло.

Скомкав записку, я сжал её в кулаке. Комната Элара была напротив. Мы не выносим друг друга, но молчим. И это громче любых криков.

Нас ждёт интересная жизнь. Теперь мне стало любопытно.

Глава 8

Элара

Утром я долго стояла под душем, высунув загипсованную руку наружу. Горячая вода – единственное, что могло унять дрожь, которая поселилась внутри с той самой ночи. Воспоминания постоянно мелькали вспышками. Просто прятались днём и возвращались, стоило остаться одной.

Я вышла из ванной в полотенце, с мокрыми волосами. Услышав шум, открыла дверь в коридор, думая, что это Марта. Женщина обычно приходила к этому времени.

Но это была не она.

Напротив меня сейчас стоял Рейн с чашкой кофе в руке. Он явно шёл мимо, но замер.

Его взгляд упал вниз. Я физически почувствовала, как он скользнул по волосам, шее, ключице, где ползли капли воды. И дальше. Мужчина рассматривал меня медленно, спокойно. Но воздух в коридоре накалялся.

Потом его кадык дёрнулся и Рейн отвёл глаза.

– Я... кофе, – выдал он хрипло, неловко качнул чашкой и быстро ушёл.

Я закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Сердце колотилось где-то у горла, а кожа горела там, где прошёлся его взгляд.

Нет. Это ничего не значит. Он мужчина, а я стояла в одном полотенце. Просто физиология. Ничего больше. Ненавижу его. И всех их.

Но ненависть пульсировала не в груди, а в животе. И это пугало до чёртиков.

Марта пришла через полчаса. Принесла завтрак: овсянку, тосты и зелёный чай. Поставила на стол, села рядом и просто смотрела, как я ем. Её молчаливая забота хоть как-то удерживала меня на плаву.

Я написала в блокноте слова благодарности, вырвала листок и протянула ей.

Женщина прочитала, её мягкое лицо на миг исказилось тоской. Она быстро пошла в ванную, чиркнула спичкой и сожгла листок над раковиной.

К чему такие предосторожности? Может, Марта боится за свою работу?

Или же... что хуже... она тоже в клетке. Не в такой, как я, но всё же. Записка от меня – это риск, как и любое проявление человечности в этом доме.

После завтрака я решила прогуляться. Из поместья меня не выпускали, но по нему побродить же можно?

В коридоре столкнулась с тем мужчиной, что сидел напротив Рейна за обедом вчера. Как его... Ник?

Он коротко кивнул мне, и мы разошлись. В какой-то момент даже почувствовала себя в безопасности, а зря. Спустя несколько минут в этом же коридоре я увидела того самого охранника. Эла. Мужчина так резко вышел из-за угла, что я не успела спрятаться, хотя очень хотелось.

Его лицо не сверкало интеллектом, тупые маленькие глазки искали свою жертву. Мой палец заныл, как только я опустила взгляд на его ботинки.

– О-о-о, – протянул он, загораживая проход. – А я-то думал, кто тут шастает.

Я отступила и упёрлась в стену.

– Красивая девочка. Помнишь меня? – Он наклонился, от него пахло потом и сигаретами. – Теперь ты тут живёшь, да? Жена младшего? – Мужчина хмыкнул. – Бедняжка. Он тебя утешает хоть?

Его рука потянулась к моему лицу. Грязные пальцы коснулись щеки, и я дёрнулась. Оттолкнула его здоровой рукой. Но он перехватил, сжал запястье и притянул к себе.

– Тихо-тихо. Всё равно ты никому ничего не расскажешь, правда? – Его дыхание обожгло ухо. – Немая мышка. Давай я тебя пожалею. Бедную девочку...

Его ладонь легла мне на талию, я попыталась вырваться, но он дёрнул ткань, и она разошлась. Грубые руки сжали мои бёдра.

Меня накрыла паника. Ведь даже закричать не могла. А если бы и закричала, кто-то пришёл на помощь?

Я извивалась в этих тисках, а он продолжал меня лапать, злобно посмеиваясь.

А потом...

Секунда, и он полетел.

Я даже не поняла, что произошло. Только что был рядом, и вот его уже нет. Мужчина лежал на полу в двух метрах от меня, а над ним навис Рейн. Удар. Ещё один.

Он раскроил Элу бровь, из неё пошла кровь, но это его не остановило.

Снова и снова мой новоиспечённый муж бил охранника. Молча. Сосредоточенно. Как тогда в спортзале грушу.

– Если ты... ещё раз... к ней подойдёшь... – каждое слово сопровождалось ударом, – я тебе... руки... вырву... к чёртовой матери!

Эл хрипел, пытался закрыться. Бесполезно.

Рейн поднялся, тяжело дыша. Костяшки были в крови. Мужчина посмотрел на меня, и я увидела в его глазах ярость.

Прибежали другие охранники и утащили полуживого Эла.

Всё это время Рейн прожигал меня взглядом.

Потом его глаза переместились на мою одежду. Платье порвалось, ткань висела, оголяя грудь. И я быстро попыталась прикрыться. Его кулаки снова сжались.

В коридор вбежала Марта.

– Господи! Что тут...

– Где. Её. Одежда?! – рявкнул Рейн. – Я ещё вчера сказал, чтобы привезли! Она до сих пор ходит в этом сраном платье! Вы что, тут разом все отупели?!

Женщина побледнела, что-то промямлила и убежала. А мужчина развернулся ко мне.

– А ты! – Его палец ткнулся мне почти в лицо. – Какого чёрта ты бродишь по поместью? Это не парк аттракционов!

От злости я задохнулась. Мои глаза наполнились слезами от бессильной чудовищной ярости. Он только что спас меня и тут же обвинил. Ещё орёт. Защитил и выставил виноватой. Придурок!

Я развернулась, чтобы уйти, но его жёсткие пальцы сомкнулись на моём локте.

– Стой! Куда?

Я дёрнулась, но он не отпускал. Попыталась вырваться и вдруг оказалась у него в руках. Рейн прижал меня к себе, обхватив за талию, и жарко дышал в мою макушку.

– В этом доме, – прошипел он мне в волосы, – нужно контролировать каждый шаг. Каждый! Слышишь? Нельзя блуждать где попало. Особенно тебе.

Я упёрлась ладонями ему в грудь и оттолкнула. Дрожащей рукой вытащила блокнот.

Буквы прыгали, но я смогла написать.

«Это твоё крыло. А тут ходит охрана Акселя. Может, разберёшься сначала со своим домом, а потом будешь орать на меня?»

Рейн прочёл. По его скулам заходили желваки, ноздри раздулись. Я попала точно. Он не контролировал ни этот дом, ни собственную жизнь. Младший брат в тени старшего. Даже его крыло было проходным двором для людей Акселя.

– Ты... – начал он и осёкся. Провёл ладонью по лицу, явно пытаясь успокоиться. – Ладно.

Он сделал шаг ко мне, сжал плечо. Кажется, напускное спокойствие стоило ему слишком дорого. Я всё равно видела бешенство в его глазах.

– Не ходи просто так везде. Поняла?

Я ничего не написала. Лишь кивнула и быстро юркнула в свою комнату.

За спиной только слышала, как он что-то пнул и выругался.

Вечером я сидела за роялем и пыталась играть левой рукой. Всё получалось медленно, коряво. Я играла половиной себя, и музыка звучала так же: расколотым миром, где каждая нота тянется к той, что не хватает.

Я думала об Эле и его грязных приставаниях, о Рейне, который защитил меня и тут же ранил.

Хотелось по-настоящему его ненавидеть. Чистой и всепоглощающей ненавистью. Но внутри жужжала маленькая, гадкая и неуместная благодарность. Он привёз рояль, стоял между мной и пулей, как-то по-своему оберегал.

Палачи так не делают.

Мои пальцы сбились. Я ударила не ту клавишу, и зазвенела фальшивая нота. Такая же голая и жалкая, как я.

Мне осталось только захлопнуть крышку и погрузиться в тишину.

Ненависть к Рейну перетекала в приятное чувство. И я это в себе презирала.

Глава 9

Рейн

Я не смог убраться Эла. Хотел бы, чтобы Аксель закопал этого мудака где-нибудь в лесу, но брат решил по-другому.

Когда я ворвался в его кабинет, он даже не посмотрел на меня. Рылся в своём ноутбуке.

– Эл работает на меня, – протянул Аксель ровным голосом. – Я разберусь.

– Он трогал её!

– А ты сломал ему нос. Считаю, вы в расчёте.

– Да чёрта с два!

Я подошёл к его столу и упёрся кулаками в гладкую поверхность, почти навис над братом. Сейчас мне хотелось схватить его за воротник идеально отглаженной рубашки и впечатать лицом в ноутбук.

Аксель поднял на меня пустые светлые глаза. В них проскользнуло лёгкое любопытство.

– Рейн, – откинулся он на стуле. – Тебе дали задание жениться и войти в доверие. Найди документы. Всё остальное – шелуха. Ты создаёшь хаос, а он мне мешает.

– Да мне насрать.

– Я знаю. Ты всю жизнь делаешь то, что хочешь. Ездишь, пьёшь, трахаешься. Папа терпит тебя, потому что ты его кровь. Однако это не вечная индульгенция. – Он немного помедлил и добавил: – Эл останется. Из твоего крыла уйдёт. Но это всё, что я могу сделать. Большого ты не заслуживаешь.

Я только скрежетал зубами, молчал. В этом доме Аксель главный, а я так, случайный жилец, которому разрешили спать в гостевой. Все решения проходят через него. Вся охрана подчиняется ему. И все деньги тоже текут через его руки. А я никто. И это бесило до мушек перед глазами.

– Это всё, что я смог, – сказал я Эларе, вернувшись в своё крыло.

Девушка сидела за роялем, но не играла. Она просто смотрела на клавиши, положив на них здоровую руку.

– Его больше не будет в этом крыле. Однако он остаётся в доме.

Думал, она кивнёт, но Элара взяла блокнот и написала записку. Подвинула мне.

«Тупо спасать человека, чтобы потом посадить в красивую клетку».

Я прочитал. Во мне забурлила злость.

Эта маленькая девчонка могла вызвать бурю одним лишь взглядом.

Секунду ещё я пялился на строчки, а потом медленно подошёл. Руки засунул в карманы, чтобы не дёргаться. Наклонился. Моё лицо оказалось близко к её. Я видел даже крохотную родинку на переносице, раньше не замечал.

– Может, и тупо, – пробормотал я тихо. – Но ты жива. Не благодари.

Девушка не отвела взгляд. Мы смотрели друг на друга, наверное, секунд десять. Между нами искрились молнии и раскалялся воздух. Ни один из нас даже не моргнул.

Я ушёл первым. Психанул. Мне должно быть поспать на неё, но внутри всё клокотало.

Сегодня ночью не спалось, и я пошёл на кухню чего-то съесть, а может, выпить. Там не было моего любимого виски, и я направился в хозяйское крыло. А тут, как назло, не работала лампочка. И я мобильник забыл. Чёрт!

Но можно и в тусклом лунном свете прошерстить по полкам.

Уже перевалило за три часа ночи. Какого хрена я вообще делаю?

Я собирался уйти, как вдруг услышал лёгкие шаги. Почти бесшумные. Почему-то сразу понял, что это Элара. Зачем она сюда пришла?

Пазл сложился в секунды. Хотела сбежать. Я когда-то делал то же самое. Мне тогда было четырнадцать. Сразу после смерти мамы. Вертелся ли у меня в голове какой-то план? Нет. Просто юношеский импульс.

Меня заперли в этом доме, потому что я почти съехал с катушек. И я считал шаги, проверял окна и тоже делал ставку на эту дверь. Единственную без электронного замка. Она выходила в сад, а оттуда на технический выезд для прислуги.

У меня даже получилось добраться до дороги. Я пробежал метров двести в темноте, решил, что свободен. Но охрана поймала меня ровно через четыре минуты. Отец не сказал ни слова. Но я понимал, что теперь мне ещё накинута месяц в заключении.

Элара нашла ту же дверь. Глупо думать, что девчонка не попытается сбежать. Особенно когда она ощущает столько давления с разных сторон. Инцидент с Элом, наверное, её доконал.

Девушка появилась из-за угла. Лунный свет из узкого окна упал худенькую фигуру, и я перестал дышать, не шевелился. На ней была тонкая, невесомая ночнушка, тусклые лучи прорисовывали контуры тела сквозь ткань. Решила бежать так, голышом? Глупо. Хотя, наверное, в этом что-то есть. Если её поймают охрана, Элара может сказать, что вышла просто погулять. Руки она прижала к себе и двигалась осторожно. Как призрак. Мой призрак.

Я изо всех сил старался не смотреть на то, как ткань льнёт к её телу. Но понимал, что это бесполезно.

Элара подошла к двери, потянулась к ручке.

И тут увидела меня. Замерла. Её глаза стали огромными, в них плескался страх и злость. Грудь часто заходила.

Секунда, и она рванула обратно в дом, к другому выходу, через гостиную.

Я оказался быстрее. Как только она потянулась к ручке стеклянной двери, я одним движением перехватил её за талию и оттащил. Началась борьба.

Девушка билась как дикая кошка. Локоть врезался мне в рёбра.

Больно, чёрт подери.

Она вывернулась, толкнула здоровой рукой и попыталась ударить меня ногой.

Я развернул её и прижал к панорамному окну. Сам навалился всем весом на неё, так, чтобы не могла двинуться.

Её лопатки впечатались в мою грудь. Руки девушки я перехватил за запястья и пригвоздил к стеклу по бокам от её головы. У обоих сердце билось бешено. Дыхание рывками рвалось наружу. Я чувствовал каждый изгиб её тела.

– Посмотри туда, – сказал я хрипло, чуть отстранился и повернул за подбородок её голову в сторону сада. – Три охранника. Это Люди Акселя патрулируют периметр до рассвета. Ты не дойдёшь до дороги. Умрёшь раньше.

Она дышала быстро. Тяжело. Я почти касался губами её уха.

Кажется, Элара не просто так захотела убежать. Не глупая же. Это больше походило на какую-то паническую атаку. Отчаянную попытку выскочить из клетки. Может, приснилось чего? Или снова напугал кто?

Девушка дёрнулась. Попыталась вырваться, но я придавил сильнее. Моё бедро оказалось между её ног.

И в эту секунду я замер.

– Тихо, тихо, – прошептал я. – Тебе нечего бояться рядом со мной. Всё хорошо.

Стараясь не делать резких движений, я осторожно убрал прядки с её лица. А потом я уткнулся в её макушку.

И, чёрт возьми, она меня заводила!

Элара почувствовала моё возбуждение. Я это понял по тому, как на выдохе остановилось её дыхание. Девушка медленно повернула голову и взглянула на меня.

А я смотрел вниз, на её лицо, освещаемое лунным светом. На приоткрытые губы. Ткань ночнушки сбилась и оголила плечо. Тонкая ключица чуть блестела от испарины.

Если я сейчас её поцелую, она откусит мне губу. И я это заслужу.

Меня пробило электричеством. Тело среагировало моментально. Ведь я не остановлюсь на одном поцелуе. У меня нет стоп-кранов.

А сейчас мы так плотно соприкасались, что я чувствовал её бедра, спину, все чёртовы впадинки. И это почти пытка.

Я резко отступил. Ещё шагнул назад.

– Иди. К себе, – выдавил я.

Элара повернулась и теперь стояла, прижимаясь спиной к окну. Смотрела на меня. Я не мог понять, что это за взгляд. С этой девушкой сложно. Может, она почувствовала то же самое, что и я: острое влечение. Всего на миг. Но этого хватило, чтобы разжечь огонь.

Секунда, и девушка, не оглядываясь, побежала наверх. Совсем скоро наступила тишина.

А я стоял ещё минут пятнадцать. Потом подошёл к тому окну, где только что чуть не поцеловал её. И прижался лбом к поверхности. Да, мне нужно было сейчас охладиться, потому что тело предало меня самым очевидным и унижительным способом. Отлично. Просто великолепно.

Я ударился лбом о стекло.

– Идиот! – прошипел я в темноту. – Бездёжный идиот!

Идиотизм заключался не в том, что тело среагировало на девушку. Это обычная физиология. А в том, что я не хотел отступать. Я наслаждался каждой секундой нашей близости. И чувствовал, что вот оно. То самое, что я искал. Её прерывистое дыхание было лучшим звуком, который я слышал за последние годы.

В жопу Акселя, задание и документы. Я хотел её. Как сумасшедший.

Но она мечтала сбежать из этого дома. От моей семьи и от меня. Ей бы не дали. Пристрелили бы как собаку. Сейчас сторожевые псы брата настроены на активную атаку. Придурок ждёт любого неверного шага с моей или её стороны, чтобы потом правильно отчитаться перед отцом.

А я могу только иногда защищать Элару. Надеюсь, она успокоится, поймёт и больше не будет делать глупости. Потому что я не хочу её терять.

Глава 10

Рейн

Несколько дней мы почти не встречались. Но когда это случалось, старались быстро разойтись.

В выходные должен был состояться благотворительный ужин. Отец приказал пойти на него с Эларой.

Платье для неё я выбирал сам. Аксель прислал стилиста, но я послал его на три буквы. Никто не будет наряжать мою жену, кроме меня.

Утром я бросил коробку её на кровать. Там чёрное платье с открытой спиной. Дорогое.

– Наденешь это. Будешь улыбаться и молчать. – Я помедлил, а потом добавил: – Впрочем, с последним у тебя проблем нет.

Я сволоочь. Знаю. Но во мне разгоралось такое чувство, которое стоило незамедлительно потушить.

Элара посмотрела на коробку, потом на меня. Ничего не писала. Просто взяла платье и гордой походкой ушла в ванную.

Через двадцать минут она вышла.

Я стоял в коридоре, возился с запонкой и, когда взглянул на неё, застыл.

Чёрт!

Платье село так, будто его шили специально на неё. Открытая спина обнажала тонкие позвонки, тёмные волосы она собрала наверх. А на красивой шее висела цепочка с кольцом. Кожа у девушки была белая, почти прозрачная. Элара выглядела хрупкой и опасной одновременно.

И меня это взбесило.

– Пойдём, – бросил я. – Мы опаздываем.

Всю дорогу девушка смотрела в окно на пролетающие машины, постройки. Мы ехали молча. Конечно. Я говорить не хотел, а она не могла.

В какой-то момент я уловил запах духов. Лёгкие, цветочные, как она сама. Они заполнили салон и обволакивали меня. Откуда у неё духи?

Наверное, Марта принесла. Старая заговорщица.

Мне нравился этот запах, и в то же время я злился. Настолько раздражало это чувство, что я опустил окно. Холодный ветер ворвался в машину. Элара вздрогнула, обхватила себя руками. Но я не закрыл окно и до конца поездки ехали так.

Банкет проходил в отеле «Гранд Ройал». Он наполовину принадлежал нашей семье. Здесь всё было в мраморе, золоте, хрустале. Люди ходили в дорогих костюмах. Все знали друг друга. И ненавидели. Идеальное элитное общество.

Мы вошли, и я собственнически положил руку Эларе на поясницу. Для публики.

Мои пальцы коснулись открытой кожи на спине, и я чуть не отдернул руку, потому что девушка была горячей. А это притягивало.

– Рейн! – начали все подходить. – С молодой женой! Наконец-то!

Пошли фальшивые улыбки, рукопожатия. Я лишь отыгрывал роль.

Элара стояла рядом, кивала и держала лицо.

Кто-то из гостей наклонился к ней:

– А почему вы молчите?

– Стесняется, – улыбнулся я и сжал её талию крепче. – Правда, дорогая?

В этом обществе не принято находить себе пару, так скажем, с особенностями.

Девушка подняла на меня взгляд. В глазах плескалась такая ненависть, что можно было разжечь пожар. Но её губы растянулись в тонкой и безупречной улыбке.

Умница! Быстро учится. В этом обществе все быстро учатся. Или сдыхают.

Отец занимался разговорами с бизнес-партнёрами. А вот Аксель появился через полчаса. Как всегда, идеальный. На нём был тёмно-синий костюм, даже волосы уложил.

Брат взял бокал шампанского, обвёл взглядом зал и направился прямо к нам.

– Рейн. Невестка. – Он поцеловал Элору в щёку, отчего та окаменела. – Какая прелесть. Шикарно выглядишь.

Его глаза скользнули по цепочке с кольцом и задержались там на мгновение. Уголок губ дрогнул.

Потом он взял бокал, постучал ножом, и зал притих.

– Друзья. Хочу произнести тост за моего младшего брата и его очаровательную жену.

Внутри живота сжалось. Я знал этот тон. Аксель никогда не выступал на публике просто так.

– Рейн всегда был... импульсивным.

Лёгкий смех пробежался по гостям.

– Но в выборе спутницы он превзошёл сам себя. Нашёл девушку, которая буквально не может ему возразить. – Аксель сделал театральную паузу, наслаждаясь смехом общества. – Каждому мужчине бы такую жену. За молодых!

Я знал, к чему он клонит. Как только станет известно, что Элора немая, на меня будут смотреть косо. И если это случится не сегодня, то в какой-то из таких банкетов. Он указал на то, что времени у меня не так много, чтобы разделаться с браком и снова стать завидным холостяком. Хоть отец и принял такое решение, но Акселю не нравился наш союз. Он бы предпочёл женить меня на ком-то более достойном. Достойном для его бизнеса. Даже скорее полезном.

Но зал поднял бокалы. Хрусталь звенел, люди улыбались. А я смотрел, как у Элоры сжались кулаки. Её лицо не изменилось, но я видел, как задрожал подбородок. Всего на одну секунду. Правда, и с этим девушка справилась.

Я же выпил бокал одним глотком.

Аксель подошёл ко мне через пару минут, когда я решил поговорить с одним из знакомых. Думал, обсудить открытие своего бизнеса.

Брат отвёл меня в сторону и шепнул на ухо:

– Она тебе нравится.

– Не пори чушь.

– Я не слепой и вижу, как ты на неё смотришь. Плохо, Рейн. Ты знаешь, что бывает с вещами, к которым привязываешься. – Он на мгновение задумался. – Спроси у мамы. Ах да. Не получится.

Кровь отхлынула от моего лица. Перед глазами на секунду пошли красные пятна. Я повернулся к нему и... не знаю, каким чудом удержался от того, чтобы не расквасить его холёную морду. Аксель понял, что немного перегнул. Отступил на полшага. Впервые я увидел на его лице проскользнувший страх. Но он тут же вернул себе ледяное безразличие.

– Просто дружеский совет: завязывай со своими привязанностями, – улыбнулся улюбок и ушёл.

Я не мог дышать. В ушах шумело, по венам тёк жидкий огонь. Он бездушно вспомнил нашу мёртвую маму. Вот же урод. Ничего нет святого у этого подонка.

Мне нужно было что-то сломать, но вместо этого я сел за стол рядом с Элорой.

Девушка на меня не смотрела, сидела с ровной спиной, руки сложила на коленях. В её тарелке лежали лишь какие-то тарталетки.

Я взял бокал и отпил глоток, она достала из клатча блокнот и написала: «Хочу уйти отсюда».

– Не сейчас, – шепнул я ей на ухо.

Элора снова накорякала: «Ты вписываешься в это общество».

Специально выводила? Хватит! Довела!

Моя рука легла ей на колено под столом. Под скатертью не видно, и я этим воспользовался.

Элара вздрогнула, повернула голову. Но я уже не смотрел на неё. Начал болтать с собеседником напротив. Кивал чему-то. Улыбался.

Её пальцы обхватили моё запястье и попытались убрать. Но я не двинулся.

Моя ладонь скользнула выше и нырнула между её ног. Пальцы властно сжали бедро. Сейчас я натягивал её поводок, показывал, кто здесь главный.

Элара впиалась ногтями в моё запястье, и меня прошила острая боль. На коже потом останутся отметки. Плевать.

Большим пальцем я медленно провёл по внутренней стороне бедра. Это совсем не невинное движение.

И тут я сбился на полуслове. До этого что-то говорил и вдруг потерял мысль. Потому что Элара была горячей там, а меня охватывало возбуждение.

Я одним рывком перехватил её запястье, чтобы понять кое-что для себя. Нашёл пульсирующую венку. А потом наклонился к маленькому уху.

– У тебя опять зашкаливает пульс, – прошептал я. – Ты так реагируешь на всех, кого ненавидишь?

Она вырвала руку и тоже выпила шампанское. А я усмехнулся.

Но внутри разом напряглись все мышцы. Не ожидал, что от прикосновения к ней у меня поедет крыша и так накроет.

И я совсем не был к этому готов.

Элара ушла из-за стола через пять минут. Я не пошёл за ней. Пусть подышит, я и сам задыхался.

На этот раз налил себе виски и выпил.

Спустя десять минут я увидел девушку в дальнем конце зала. Она стояла у стойки бара рядом со светловолосым мужчиной лет сорока. На нём был серый костюм. Он ей говорил, наверное, какие-то комплименты, чуть наклонившись. А она кивала.

Я увидел, как Элара что-то написала на салфетке.

А ну, стоп!

Несколько секунд, и я оказался рядом. Мягко подошёл со спины и поцеловал в ключицу. Как муж, который сильно соскучился.

Моя рука легла поверх её и накрыла салфетку. Пальцы сжались.

– Дорогая, – проворковал я медовым голосом, добавив него крупинки металла. – Ты тут подружилась?

Мужчина выпрямился. Я улыбнулся ему.

– Моя жена составляла список покупок. Вечно всё забывает.

Я вытащил салфетку из-под её пальцев, развернул и прочёл: «Яков Стерн. Музыкальная школа № 4. Передайте: Элара Линд жива, в плену. Пожалуйста».

Последнее слово она подчеркнула дважды.

Я сложил салфетку, убрал в карман пиджака. Моя улыбка не дрогнула. Хотя внутри полоскало. И ярость превращалась в бешенство.

Мужчина извинился и отошёл. Наверное, что-то почувствовал.

Я взял Элару за локоть и повёл в коридор. За углом, где тускло горели бра и не было камер, я развернул её к себе.

Она смотрела на меня своими серыми глазами. Сейчас они потемнели от злости и отчаяния. Грудь ходила часто, но девушка не отступила.

Я схватил цепочку с кольцом. Намотал на указательный палец и медленно потянул к себе.

Её голова запрокинулась. Красивая шея выгнулась.

Другой рукой я коснулся её лица. Большим пальцем провёл по нижней губе от уголка к центру. Мне нравилась эта пленительная мягкость. Хотелось её съесть.

Элара не двигалась. Скорее всего, ненавидела меня. Впрочем, как и всегда. Но зрачки расширились так, что радужка почти исчезла. И я это видел.

– Ты написала, что жива, – протянул я. – А ты жива? Тебе напомнить, благодаря кому? Её дыхание обжигало мой большой палец.

– Больше никаких записок и добрых незнакомцев. – Я наклонился ближе, и мои губы замерли в сантиметре от её. – Есть только я. Поняла?

Несколько секунд я ещё боролся с искушением: хотелось смять её нежные лепестки, ворваться в этот прекрасный рот. Подчинить непокорную девчонку.

Что я творю, твою мать?

Ещё мгновение, и я отпустил цепочку. На шее девушки остался тонкий красный след. И внутри всё сжалось, скрутилось в тугой ком. Это сделал я. Чёрт!

Развернувшись, я быстро вышел.

Домой мы ехали молча.

На перекрёстке встали на красный свет, и я мазнул по девушке взглядом.

Её щёки были мокрыми. Слёзы текли по скулам, подбородку, капали на чёрное платье. И всё это беззвучно. Элара даже не вытирала их. Просто сидела и плакала.

Я ничего не сказал, поскольку слов было не найти. Как объяснить, что она мне нравится, и в то же время рассказать, что мне нужны от неё документы отца, что Аксель давит на меня и не даст нам быть вместе, что я пытаюсь её вытащить и сам не знаю, получится ли? А эти чувства мешали соображать. Меня затягивало в них, и я одновременно всеми лапами сопротивлялся, чтобы не разорвать себе сердце, если план пойдёт по одному месту.

Поэтому я молчал.

Дома бросил пиджак на кресло. Не раздеваясь, налил виски и выпил.

Чёрт!

Достав из кармана салфетку, я развернул её и снова перечитал.

Элара подписалась как Линд, а не как Ван дер Хольт. Потому что не считает себя моей. Правильно. Какой нормальный человек стал бы.

Я посмотрел на свои длинные пальцы, широкие ладони и сбитые костяшки. На левом запястье красовались четыре полумесяца от её ногтей. Этими руками я сегодня держал её бедро и наматывал цепочку.

Наверное, отец когда-то делал то же самое с моей матерью. Не знаю, наматывал ли он цепочку, но создал из неё вещь. Каждый день, пока она не сняла кольцо и не перестала существовать.

Мама, прости. Я стал им.

Глава 11

Элара

Я не выходила из комнаты четыре дня после банкета. Не играла на рояле, не писала записок и даже не смотрела в окно. Просто лежала на кровати, погружаясь в бездну.

На шее уже давно зажил след от цепочки, но он как будто фантомно зудел по ночам. И я трогала его в темноте, чтобы не забыть об этом и перестать оправдывать Рейна.

Мозг уже пытался это сделать. Подлый и предательский разум говорил, что мужчина спас меня, привёз рояль, защитил от Эла. Но ведь так же он держал меня за цепочку, как собаку, трогал моё бедро при чужих людях и хотел присвоить только себе.

Какой удобный мир выстроил себе Рейн. И родственникам не отказывал, и женщину желал поиметь.

Я не плакала. Слезы давно кончились. Осталась сухая усталость, от которой нельзя отдохнуть.

По ночам я думала об отце.

Его лицо уже расплывалось в памяти. Я пыталась удержать, но черты ускользали. Помню только большие и тёплые руки. В последний вечер он обнял меня крепче обычного и сказал что-то про новую пьесу.

Тетрадь. Она лежала на моём столе, в комнате. А её больше нет.

Папа исписал ноты своим почерком. Это последнее, чего касались его руки перед тем, как они стали мёртвыми.

Попросить Рейна их привезти?

Смешно. Разумеется, он откажет. Как и с моими вещами сделает, просто купит всё новое.

Я перевернулась на бок и прижала здоровую руку к груди. Гипс давил и чесался. Через месяц его снимут и я снова смогу играть обеими руками. Если бы была папина пьеса, то и её сыграла бы.

Если доживу.

На пятый день Марта принесла завтрак, поставила поднос на стол и долго мялась у двери.

Да, я не особо хорошо питалась. Не хотелось.

Я села на кровати и посмотрела на неё. Женщина выглядела обеспокоенной.

– Поешь, – пробормотала она. – Пожалуйста.

Но я не двигалась. Тогда Марта подошла и взяла мою здоровую руку. Её голубые глаза смотрели строго, но как-то по-доброму.

– В доме беспокойно, – проскрежетала женщина. – Аксель давит на всех. – Она замолчала, а после добавила: – Рейн не такой, как они. Было время, и я думала, все в этой семье одинаковые. Но я ошибалась.

Я выдернула ладонь. Не желала ничего о нём слышать. Снова обманываться? Ни за что! Но одно не ускользнуло от моего внимания: Марта говорила это со странным выражением лица, как будто знала какую-то тайну и скрывала.

– Ты всё равно поешь. А то так от тебя скоро совсем ничего не останется.

Женщина быстро вышла, а я посмотрела на завтрак. Как всегда: овсянка, тост, чай, заботливо нарезанное яблоко.

Марта тоже в клетке. И она молчит, потому что в этом доме это единственный способ выжить.

Я съела яблоко. Встала. Впервые за пять дней открыла дверь.

Куда мне идти? К роялю? В комнату, которую я считала убежищем.

Но только войдя в дверь, я остановилась как вкопанная.

В кресле у окна расположился... Аксель.

Он будто ворвался в моё безопасное место, и мир на секунду замер. Мне стало трудно дышать.

Мужчина же сидел спокойно, закинув ногу на ногу, в руках вертел телефон. Он будто ждал меня. Всем своим видом показывал, что это его комната, кресло и даже воздух.

Сколько он здесь? Минуту? Час?

– А вот и ты. – Аксель убрал телефон и посмотрел на меня. Светлые глаза замораживали холодом, а от аккуратной улыбки ползли мурашки по спине. – Я уже думал, ты решила навсегда остаться в своей спальне. Было бы жаль.

Мои ноги приросли к полу. Сердце заколотилось в горле. Каждая клетка тела кричала, что мне надо бежать. Но некуда. Снаружи его люди. Это его мир.

Мужчина медленно встал, подошёл к роялю и провёл пальцами по крышке. Казалось, он гладит его перед тем, как сломать.

– Красивый инструмент, – протянул Аксель задумчиво. – Рейн для тебя постарался. Мой брат бывает... сентиментальным. Это его слабость. Одна из многих.

Он поднял крышку и нажал клавишу. Безвольная ми зазвенела в воздухе.

– Я слышал, ты хорошо играешь. Очень хорошо. Отец тебя учил?

Вопрос прозвучал невинно и почти тепло. Но я видела его глаза. В них сплошной лёд. А под ним чёрная вода.

Я не могла пошевелиться, просто смотрела на него.

– Мне рассказывали, что Ивор увлекался музыкой. Писал пьесы для дочери. – Аксель улыбнулся. – Трогательно. Наверное, у вас был свой маленький мир, да? Свой язык?

В лицо бросилась кровь. Откуда?.. Он не может знать. Просто прощупывает. Закидывает крючки и смотрит, дёрнусь ли я.

Я выстояла и не шелохнулась. Только сердце билось о рёбра.

Аксель повернулся ко мне и шагнул.

– Когда снимут гипс, ты снова сможешь играть. Это сколько? Месяц? Полтора? – Он наклонил голову набок. – Я подожду. Я терпеливый. И когда ты снова сядешь за эти клавиши, ты сыграешь для меня. Всё, что папа написал. Каждую ноту.

Мужчина замолчал, давая мне переварить сказанное. Но я не могла. Сейчас мой мозг хотел только убежать.

– А если окажется, что играть нечего...

Он хлопнул крышкой рояля, и я вздрогнула. Его пальцы снова провели ласково по поверхности.

– Хрупкий инструмент. Правда?

Мужчина улыбнулся мне как-то по-дружески, но от этого меня бил озноб. А потом он тихо вышел.

Я стояла посреди комнаты и не могла пошевелиться. Ноги тряслись. Дыхание застряло где-то между рёбрами.

Он не кричал. Не бил. Не хватал. Просто трогал мой рояль и говорил тихим голосом. И я испугалась его больше, чем Эла с пистолетом.

Потому что Эл – тупая сила. А Аксель был часовым механизмом, который тикает, и ты не знаешь, когда рванёт.

И у меня есть всего месяц или полтора. После этого приговор исполнится.

Через несколько минут я услышала сдавленный голос Рейна в коридоре и подошла к двери.

– Какого хрена ты делал в моём крыле?

– Навещал невестку, – спокойно ответил Аксель. – Разве нельзя?

– Мы договорились!

– Ты договорился. А я делаю то, что считаю нужным.

Послышался глухой звук удара. Я чуть приоткрыла дверь: Рейн прижимал Акселя к стене за рубашку. Его костяшки побелели, а лицо так напряглось, что я видела пульсирующую жилку на шее. Казалось, Рейн занимал весь коридор. Он шире и мощнее, но Аксель смотрел на него совершенно невозмутимо. В этом доме сила ничего не решает.

– Закончил? – тихо спросил Аксель.

Рейн дышал тяжело. Его грудь вздымалась. Пальцы сминали дорогую ткань одежды.

– Не трогай её, – процедил он.

– Тогда делай свою работу. – Аксель аккуратно снял руки Рейна с воротника, поправил рубашку. – Полтора месяца. Гипс снимут, она сядет за рояль. Ты принесёшь мне всё, что я попрошу. Или...

– Или что?

– Или я найду менее сентиментальный способ решить эту проблему.

Аксель ушёл. Его ровные и спокойные шаги вскоре затихли за углом.

Рейн стоял в коридоре, упёршись лбом в гладкую поверхность. Его кулак медленно разжался. А потом он несколько раз глухо ударил стену.

Я тихонько закрыла дверь.

Он пришёл вечером. Сначала постучал. Но я не открыла.

Спустя минуту тишины дверь резко распахнулась. Рейн вошёл и остановился на пороге.

Я стояла у окна. Обернулась.

В комнате горел только тусклый ночник. Его тёплый свет разливался по помещению, и всё казалось мягче, кроме лица мужчины. Оно было уставшим и напряжённым. Под глазами залегли тени. Я обратила внимание на его содранные костяшки.

Он приблизился, и я отступила. Спиной коснулась подоконника.

– Послушай, – начал Рейн. – Аксель дал немного времени. Когда снимут гипс...

Мужчина не договорил. Поднял руку. И я зажмурилась. Вся сжалась.

Это уже рефлекс. Тело жило само по себе в этом доме. Наверное, я ждала чего-то плохого от Рейна. Может, снова притянет за цепочку или схватит.

Наступила тишина.

Я открыла глаза, увидела его зависшую в воздухе руку. Пальцы находились в десяти сантиметрах от моей щеки. Замершие.

А лицо... Таким я его ещё не видела. Как будто я ударила мужчину. В чёрных глазах проскользнул ужас, смешанный с болью.

Рейн медленно опустил ладонь и сделал шаг назад.

Когда он заговорил, его голос казался другим. Тихим и севшим. Без привычной яркости.

– У нас месяц... полтора. Если сможешь мне, я вытащу тебя отсюда.

Я смотрела на него и не верила. С чего бы? Он столько всего успел сделать... но в то же время единственный, кто защищал.

Палач и спаситель в одной оболочке. И я не знала, какой из них настоящий. Может, оба, а может, ни один.

Я подошла к столу, взяла карандаш. Пальцы подрагивали, но я всё равно написала: «Мне нужны мои вещи из дома. Ноты».

Он прочитал. Поднял на меня глаза. В них мелькнуло... удивление?

– Я привезу, – пробормотал Рейн. – Что ещё?

Я долго изучала его. Красивый. Тёмные глаза обволакивали, затаскивали в опасный омут. Несколько прядок упало на его лоб. Мне хотелось подойти и провести по ним.

Но нет. Он враг. Все они тут одинаковые, просто кто-то явно показывает своё отношение ко мне, кто-то не так откровенно.

Однако всё же спросила: «Зачем ты мне помогаешь?»

Просто, чтобы знать.

Рейн прочитал и задумался. Долго молчал, уставившись в одну точку, а после повернулся и направился к двери. На пороге остановился.

– Не знаю, – бросил он и вышел.

Я стояла с карандашом в руке, и мысли путались.

Мне нужны ноты из дома, которого больше нет. Это последний подарок отца. Что в этих нотах? Может, просто музыка? А может, какое-то послание. Аксель тоже догадывался, но он не сможет расшифровать. Никогда.

И чтобы получить тетрадь, я должна довериться человеку, чья фамилия убивает всё живое.

Какой жестокий выбор.

Я легла. Закуталась в одеяло и прижала блокнот к груди. Между нами с Рейном стена. Но иногда на ней появляются трещины, сквозь которые просвечивается свет. Или же это яд? Невозможно понять.

Глава 12

Рейн

Уже несколько дней у меня была бессонница. Лёжа в темноте, я пялился в потолок и никак не мог уснуть. Виски не помогало, как и качалка. Даже мотоцикл не убирал жёсткие вибрации, расплзающиеся по телу. Я на нём проехал сто двадцать километров по ночной трассе и вернулся таким же пустым.

Вот и сегодня. Я встал в три часа ночи, натянул штаны и пошёл на кухню. Может, выпить молоко, как в детстве? Мама грела мне его, когда я не мог уснуть. Наливала в толстую белую чашку и садилась рядом. Просто сидела, и этого хватало.

Комнаты были тёмными. Только луна из высоких окон ложилась полосами на пол.

Я шёл по коридору и тут увидел Элару. Девушка двигалась бесшумно, словно и не касалась пола.

Тусклые лучи падали на неё. И я снова залюбовался её красивыми изгибами под ночной рубашкой. Даже дышать перестал.

По телу прошли мурашки, и я вздрогнул.

– Чёрт... ты как призрак, – выдохнул я.

Элара посмотрела на меня. Серые глаза блеснули в темноте. Девушка тоже не спала и бродила по этому дому, как тень. Видимо, ночью чувствовала себя здесь в большей безопасности.

На секунду она замерла, а потом прошла мимо и ушла в сторону библиотеки.

Я несколько минут смотрел ей вслед. Хотелось отправиться за ней, но о чём мы будем разговаривать? Да и с каждым днём мне всё сложнее было находиться рядом с ней. На меня сразу же обрушивалась лавина чувств. А сейчас надо было заснуть, а не провести бессонную ночь.

И точно. Она призрак. Преследует, даже когда её нет рядом.

Я вернулся в комнату и уже скоро заснул. А утром спустился в тренажёрный зал и услышал Акселя из кабинета. Дверь была приоткрыта.

– До конца месяца, – говорил он кому-то ровным голосом. – Если мальчик не справится, я решу по-своему. Радикально. Вопросов не будет.

Это про меня и Элару. И я знал, как Аксель может разобраться. С помощью пули.

– И подготовьте зачистку по адресу Линда. Всё, что осталось: бумаги, носители, технику. До конца недели всё должно быть чисто. Дом продадим.

Кровь запульсировала в висках. Он всё уничтожит. А Элара просила меня забрать вещи.

Я быстро пошёл к себе, набрал Ника.

– Мне нужна машина не из нашего гаража. Чистая. Через час.

– Куда? – спросил друг.

– Дом Линдов. Аксель пошлёт туда людей, и всё вычистят.

Наступила тишина. Ник думал несколько секунд. Для него это вечность.

– Буду через сорок минут.

Он действительно совсем скоро подъехал на неприметном сером седане. Мы отправились по адресу. Я смотрел в окно на пригороды Уинтерфолла. Тут много аккуратных домиков, везде подстриженные газоны, велосипеды у заборов. Нормальная жизнь обычных людей. Не таких, как мы. Здесь росла Элара. Ходила в школу. Встречалась с друзьями. Может, у неё был парень. А вот от этой мысли неприятно кольнуло внутри.

Через десять минут мы остановились возле одного из домов. Он был одноэтажный, светлый, с палисадником. В горшках росли цветы, но теперь они засыхали. Их никто не поливал, и жёлтые листья скрючились по краям.

– Камер не вижу, – осмотрелся Ник. – Давай быстро. Двадцать минут, не больше. Если что, я прикрою.

Я нашёл ключ под ковриком. Ник заранее проверил и сказал мне. Банально.

Как только оказался внутри, меня накрыло.

По дому растекался обычный запах, стандартный для нормальных домов: еда, стиральный порошок, цветочные нотки. Запах семьи. И её больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.